

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

ГОРОД ВЕЧНОЙ НОЧИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

**Линкольн Чайлд
Дуглас Престон
Город вечной ночи**
Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Пендергаст», книга 17

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51364022

*Город вечной ночи:
ISBN 978-5-389-18000-0*

Аннотация

Нью-Йорк потрясает череда жестоких убийств, отмеченных одинаковым почерком. Пресса утверждает, что убийца – моралист, адресующий обществу некий месседж. К расследованию привлекается целая команда детективов во главе с лейтенантом Винсентом д'Агостой, при участии специального агента ФБР Алоизия Пендергаста. Следствие безуспешно пытается установить связь между жертвами, но они настолько далеки друг от друга, что трудно представить общий мотив убийств. Правда, все эти люди были «невероятно богаты» и «скандально порочны». И у каждого была отрезана голова... «Я никогда не встречал дела, которое бы так сопротивлялось анализу», – утверждает Пендергаст. Неужели ему впервые

пришлось столкнуться с противником, чье интеллектуальное превосходство неоспоримо?..

Впервые на русском!

Содержание

1	6
2	14
3	25
4	32
5	44
6	53
7	59
8	68
9	78
10	83
11	89
12	97
13	101
14	109
15	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд Город вечной ночи

*Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей
жене Лючии*

*Дуглас Престон посвящает эту книгу Майклу
Гэмблу и Шери Кусман*

© Г. А. Крылов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

1

Джейкоб быстро шел впереди младшего брата, засунув руки в карманы и выдыхая облачка пара в морозный декабрьский воздух. Его брат Райан нес картонку с яйцами, купленную ими в ближайшем гастрономе на деньги, которые Джейкоб стащил из материнского кошелька.

– Во-первых, старик – полный придурок, – говорил Джейкоб брату. – Во-вторых, он расистский придурок. Помнишь, как он орал на Нгуэнов и называл их «косоглазые»?

– Да, но...

– В-третьих, он в «Си-Тауне»¹ влез без очереди прямо передо мной и обругал меня, когда я сказал, что это несправедливо. Ты ведь это помнишь?

– Конечно помню. Но...

– В-четвертых, он размещает у себя во дворе всякие глупые политические знаки. А помнишь, как он облил Фостера из садового шланга только за то, что парень срезал путь по его двору?

– Да, но...

– Что «но»? – Джейкоб стремительно повернулся к брату.

– Что, если у него есть пистолет?

– Да не станет он стрелять в двух малолеток! И потом, мы

¹ Название сети супермаркетов.

будем уже далеко, когда этот кретин прочухает, что случилось.

– А вдруг он из мафии?

– Из мафии? С фамилией Баскомб? Ага, щас! Вот будь он Гаргульо или Тарталья, мы бы сто раз подумали. Но он всего лишь старый пердун, которого нужно проучить. – Джейкоб бросил на Райана подозрительный взгляд. – Ты что, струсил?

– Нет, что ты.

– Ну тогда ладно. Пошли!

Он двинулся дальше по Восемьдесят четвертой авеню, потом свернул на Сто двадцать вторую улицу. Там он притормозил и пошел по тротуару неторопливым шагом, словно прогуливаясь. На улице стояли главным образом дома на одну и на две семьи – типичные для Куинса жилые дома, украшенные рождественскими огнями.

Джейкоб еще больше замедлил шаг.

– Взгляни на дом этого старого козла, – сказал он брату. – Мрачный, как склеп. Единственный дом, где не горит свет. Этот тип настоящий Гринч!

Дом располагался в дальнем конце улицы. Уличные фонари светили сквозь голые ветви деревьев, отбрасывая на замерзшую землю переплетение теней.

– Значит так, идем, будто ничего не происходит. Ты открываешь коробку, мы забрасываем яйцами его машину, потом бежим за угол и просто продолжаем идти.

– Он нас узнает.

– Ты шутишь? Вечером? К тому же его ненавидят все ребята в районе. И большинство взрослых тоже. Его все ненавидят.

– А если он погонится за нами?

– Этот старикашка? Да у него инфаркт случится через семь секунд. – Джейкоб ухмыльнулся. – Когда эти яйца разобьются на машине, они сразу застынут. Ему придется раз десять ее мыть, ей-богу, иначе не отойдет.

Джейкоб осторожно приблизился к дому по тротуару. В венецианском окне двухэтажного дома виднелось голубоватое сияние: Баскомб смотрел телевизор.

– Машина едет! – прошептал Джейкоб.

Мальчишки спрятались за кустами. Из-за угла вывернул автомобиль и помчался по улице, освещая фарами все вокруг. Когда он проехал, Джейкоб почувствовал, как у него колотится сердце.

Райан заговорил:

– Может, не стоит...

– Заткнись.

Джейкоб вышел из-за кустов. На улице было светлее, чем ему хотелось бы: светили не только уличные фонари, но и рождественские украшения – многочисленные Санта-Клаусы, олени, рождественские вертепы на лужайках перед домами. Хорошо хоть на участке Баскомба было чуть потемнее.

Теперь они пошли очень медленно, держась в тени припаркованных на улице автомобилей. Машина Баскомба, зе-

ленный «плимут-фьюри», которую он надраивал каждое воскресенье, стояла на подъездной дорожке как можно дальше от улицы. Продвигаясь вперед, Джейкоб видел в окне неясную фигуру старика: тот сидел в «ушастом» кресле и смотрел какую-то передачу по телевизору с гигантским экраном.

– Стой. Он там. Натяни шапку на лоб. Надень капюшон. И подними шарф повыше.

Они поправили на себе одежду и стали ждать в темноте между машиной и большим кустом. Секунды шли одна за другой.

– Мне холодно, – пожаловался Райан.

– Заткнись.

Они продолжали ждать. Джейкоб не хотел приступить к задуманному, пока старик сидит в кресле: ему достаточно было встать и повернуться, чтобы их увидеть. Они просто должны дождаться, когда он уйдет куда-нибудь.

– Мы так всю ночь простоим.

– Я сказал, заткнись!

И тут старикашка встал. Его бородатое лицо и тощая фигура осветились голубоватым светом, когда он прошел мимо телевизора в кухню.

– Идем!

Джейкоб побежал к машине, Райан – за ним.

– Открывай эту фигню!

Райан открыл коробку, и Джейкоб взял одно яйцо. Райан тоже взял одно, но заколебался. Брошенное Джейкобом яйцо

с приятным звуком шлепнулось на лобовое стекло, за ним последовало еще одно и еще. Наконец и Райан бросил свое яйцо. Шесть, семь, восемь – они перекидали всю коробку на лобовое стекло, на капот, на крышу, на дверцы, уронив в спешке пару штук.

– Какого черта! – раздался рев, и из боковой двери выскочил Баскомб и, размахивая бейсбольной битой, помчался к мальчишкам.

У Джейкоба чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

– Беги! – закричал он.

Райан, выронив из рук коробку, повернулся, но тут же поскользнулся и упал на лед.

– Черт!

Джейкоб ухватил Райана за пальто и рывком поднял его на ноги, но из-за этой задержки Баскомб почти нагнал их.

Мальчишки во весь дух помчались по подъездной дорожке на улицу. Баскомб бежал следом и, к удивлению Джейкоба, не торопился падать на землю, сраженный инфарктом. Он оказался неожиданно быстрым и, похоже, даже догонял их. Райан начал хныкать.

– Ах вы, чертова мелкота, сейчас я вам бошки-то размозжу! – кричал Баскомб у них за спиной.

Джейкоб свернул за угол на Хиллсайд, миновал два закрытых магазина и бейсбольную площадку. Райан бежал следом. Старый ублюдок продолжал преследовать их, выкрикивая угрозы и держа битку наготове в поднятой руке. Наконец

он все-таки запыхался и чуть поотстал. Они еще раз свернули за угол. На этой улице стоял старый, давно закрытый автосалон, обнесенный сеточным забором: на его месте будущей весной собирались построить дом. Некоторое время назад кто-то из ребят прорезал в сетке отверстие. Джейкоб подбежал к отверстию и пролез внутрь, Райан не отставал. Но Баскомб почти наступал им на пятки, продолжая изрыгать проклятия.

За зданием автосалона находилась промышленная зона с несколькими обветшалыми зданиями. Джейкоб заметил поблизости гараж с облезшей деревянной дверью и разбитым окном сбоку от нее. Баскомб теперь был вне поля зрения. Возможно, он сдался у забора, но Джейкоба не отпускало ощущение, что старый пердун все еще преследует их. Нужно было найти место, чтобы спрятаться.

Он попробовал дверь гаража. Заперта. Он с опаской просунул руку в разбитое окно, нащупал ручку, повернул изнутри, и дверь раскрылась.

Джейкоб вошел первым, впустил Райана, затем осторожно и тихо закрыл дверь и повернул задвижку.

Они стояли в темноте, тяжело дыша и стараясь не производить шума. Джейкоб чувствовал, что его легкие вот-вот взорвутся.

– Проклятая мелюзга! – услышали они вдалеке визг Баскомба. – Я вам яйца поотрываю!

В гараже было темно и вроде бы пусто, если не считать би-

того стекла на полу. Джейкоб осторожно пошел вперед, держа Райана за руку. Им нужно было спрятаться где-нибудь на тот случай, если старик Баскомб надумает искать их здесь. Этот сумасшедший старый идиот, похоже, и в самом деле собирался разmozжить им головы битой. Когда глаза Джейкоба привыкли к темноте, он увидел на полу в задней части гаража большую кучу листьев.

Он потянул туда Райана, нырнул в листья и разлегся на мягкой поверхности, руками набросав листья на себя и на брата.

Прошла минута. Еще одна. Крики Баскомба смолкли, все было тихо. Постепенно дыхание и уверенность Джейкоба восстановились. Прошло еще несколько минут, и он начал похихикивать:

– Слюнявый старый кретин, здорово мы его!

Райан ничего не сказал.

– Ты его видел? Он типа бросился за нами прямо в пижаме. Хоть бы у него пипка замерзла и отвалилась.

– Как думаешь, он видел наши лица? – спросил Райан дрожащим голосом.

– В шапках, шарфах, капюшонах? Ерунда. – Джейкоб снова гоготнул. – Эти яйца наверняка уже замерзли и стали как камень.

Наконец и Райан позволил себе слабый смешок.

– «Проклятая мелюзга! Я вам яйца поотрываю!» – передразнил он старика, подражая его высокому, свистящему го-

лосу и сильному акценту жителя Куинса.

Они оба рассмеялись и стали подниматься с листьев, отбрасывая их в стороны. И тут Джейкоб громко втянул носом воздух:

– Ты пернул!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– А вот и нет! Кто сказал, тот и навонял!

Джейкоб помолчал, продолжая принюхиваться:

– Что же это тогда?

– Это не пердеж. Это... это что-то хуже.

– Ты прав. Это типа... не знаю, гнилая капуста или еще что.

Почувствовав отвращение, Джейкоб сделал шаг назад и споткнулся обо что-то. Он оперся на вытянутую руку, чтобы не упасть, и куча листьев, в которой он только что прятался, произвела тихий звук и испустила жуткую вонь, в сто раз более отвратительную, чем раньше. Джейкоб отдернул ладонь и отпрянул, услышав голос Райана:

– Смотри-ка, тут *рука*...

Лейтенант Винсент д'Агоста, начальник следственного отдела, стоял в потоке света перед гаражом на Кью-Гарденс в Куинсе и наблюдал за работой группы криминалистов. Он был зол из-за того, что его вызвали так поздно вечером перед его выходным. Сообщение о теле поступило в 23:38, еще двадцать две минуты – и вызов достался бы лейтенанту Паркхерсту.

Д'Агоста вздохнул. Дело обещало быть поганим: нашли молодую женщину, обезглавленную. Он представил себе заголовки в таблоидах, что-нибудь вроде «Безголовое тело в нудистском баре»² – самый знаменитый заголовок в истории «Нью-Йорк пост».

Из яркого света, засовывая в сумку айпад, появился Джонни Карузо, глава бригады криминалистов.

– Что у тебя есть? – спросил д'Агоста.

– Эти треклятые листья... Понимаешь, пытаться искать волосы, волокна, отпечатки, да что угодно в таком месиве – все равно что искать иголку в стоге сена.

– Думаешь, преступник это предусмотрел?

– Не-а. Разве что он сам работал криминалистом и собирал улики. Это просто совпадение.

² Статья с таким названием (*англ.* «Headless Body in Topless Bar») была опубликована на первой странице газеты «Пост» в апреле 1983 года.

– И головы нигде нет?

– Нет. Обезглавливание тоже происходило не здесь – крови нет.

– Причина смерти?

– Единственный выстрел в сердце. Пуля крупнокалиберная, высокоскоростная, прошла ее насквозь. Может, в ране какие-то фрагменты и остались, но пули нет. Да и убили жертву не здесь. С учетом холода и всего прочего, по моей оценке, ее выкинули здесь три, может, четыре дня назад.

– Изнасилование?

– Очевидных признаков пока не видно, но тут нужно дожидаться отчета судмедэксперта, ты же знаешь, всякие там...

– Хорошо, – быстро сказал д'Агоста. – Какие-нибудь документы, бумаги?

– Ничего. Никаких документов, карманы пустые. Женщина белой расы, рост около пяти футов шести дюймов, трудно сказать точнее; возраст – лет двадцать с небольшим, тело подтянутое, в хорошей физической форме. Джинсы от «Дольче и Габбана». А эти безумные кроссовки на ней? Ты посмотри в Сети. От Лабутена. Почти тысяча баксов.

Д'Агоста присвистнул:

– Кроссовки за тысячу? Ни фиги себе.

– Да уж. Богатая белая девочка. Безголовая. Ты ведь понимаешь, что это означает, лейтенант?

Д'Агоста кивнул. Медиа могли появиться в любую минуту – и вот пожалуйста, они уже тут как тут, словно он вызвал

их колдовством: автобус «Фокс-5», за ним еще один, потом такси, и не с кем-нибудь, а со старым добрым Брайсом Гарриманом, репортером из «Пост», который вышел из машины, словно сам мистер Пулитцер.

– О господи...

Д’Агоста зашептал в рацию, вызывая представителя по связям с общественностью, но оказалось, что Чанг уже там, на полицейских баррикадах, толкает свои обычные гладкие речи.

Карузо проигнорировал звучавший все громче хор за баррикадами:

– Мы работаем над идентификацией личности, просматриваем базы данных по пропавшим, проверяем отпечатки, все на полную катушку.

– Сомневаюсь, что вы найдете ее в базе.

– С такими девицами никогда заранее не знаешь: кокаин, метамфетамины. Она вполне может оказаться элитной проституткой – все возможно.

Д’Агоста снова кивнул. Его недовольство начало испаряться. Дело обещало быть громким. Это имело свои плюсы и минусы, но д’Агоста никогда не уклонялся от трудностей, и он нутром чувствовал, что дело будет выигрышным. Если что-то столь ужасное можно назвать выигрышным делом. Обезглавливание означает, что преступник – больной извращенец, поймать его не составит труда. А если жертва – дочь какого-то богатого семейства, это означает приоритет

в лабораторных исследованиях, что позволит д'Агосте обходить все те дермовенькие дела, которые стоят в очереди в лабораторию криминалистики нью-йоркской полиции.

Члены команды по сбору улик, все одетые как хирурги, продолжали работу, присаживались там и сям, поднимались и шаркали по полу, словно крупные обезьяны, перебирали листья один за другим, осматривали бетонный пол гаража, изучали дверную ручку и окна, снимали отпечатки с битого стекла на полу – все как полагается. Выглядели они хорошо, а Карузо был лучшим из них. Они тоже чувствовали, что дело будет шумное. После недавних скандалов с лабораторией они проявляли повышенное внимание. А двух пареньков, нашедших тело, допросили прямо на месте, прежде чем отпустить к родителям. В этом деле не должно быть никаких недоработок.

– Не сбавляй обороты, – сказал д'Агоста, похлопав Карузо по плечу, и отошел в сторону.

Холод проникал под одежду, и д'Агоста решил прогуляться быстрым шагом вокруг сеточного забора, окружающего двор, чтобы убедиться, что они не пропустили ни одного возможного места проникновения. Когда он вышел из освещенной зоны, света все еще хватало, чтобы видеть, но он все равно включил фонарик и пошел, прощупывая лучом пространство справа и слева. Он обогнул здание в задней части двора, прошел мимо кучки пикапов и увидел сидящую на корточках фигуру с внутренней стороны ограждения – с *внутрен-*

ней. Это был не коп и не кто-то другой из его команды; человек был облачен в необыкновенно пухлую куртку с чересчур большим для его головы капюшоном, который выпирал как горизонтальная часть дымохода.

– Эй, вы! – Д’Агоста поспешил к фигуре, положив одну руку на рукоять пистолета, а другой рукой направляя луч фонарика. – Это полиция! Встаньте, держа руки на виду!

Человек встал с поднятыми руками и повернулся к лейтенанту. Лицо его было полностью скрыто в тени отороченного мехом капюшона, так что д’Агоста видел только сверкающие глаза.

Испуганный, он вытащил пистолет:

– Какого черта вы здесь делаете? Вы что, не видели полицейской ленты? Назовитесь!

– Дорогой Винсент, вы можете убрать свой пистолет.

Д’Агоста сразу узнал голос. Он опустил пистолет и спрятал его в кобуру.

– Господи, Пендергаст, что вы здесь делаете? Вы ведь знаете, что обязаны предъявлять удостоверение, прежде чем начинать что-то вынюхивать.

– Если уж я должен быть здесь, то зачем отказываться от театрального появления? И как же мне повезло, что на меня наткнулись именно вы.

– Да, верно, вы везунчик. Я мог бы засадить пробку в вашу задницу.

– Как это было бы ужасно: пробка в заднице. Вы продол-

жаете меня удивлять своими сочными выражениями.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом д'Агоста стащил перчатку и протянул руку. Пендергаст стянул свою собственную черную кожаную перчатку, и они обменялись крепким рукопожатием. Рука Пендергаста была холодна, как мрамор, но он все же откинул капюшон и открыл свое бледное лицо, светлые волосы, зачесанные назад, и серебристые глаза, неестественно яркие в сумеречном свете.

– Вы сказали, что должны быть здесь? – уточнил д'Агоста. – Вы на задании?

– Да, за мои грехи. Боюсь, что мое положение в Бюро в настоящий момент сильно пошатнулось. Как вы любите говорить, я по уши в дерьме.

– По уши? Или уже с головой?

– Вот именно. С головой. И без весла.

д'Агоста покачал головой:

– А почему федералы заинтересовались этим делом?

– Мой начальник, исполнительный заместитель директора Лонгстрит, предполагает, что тело, возможно, было доставлено сюда из Нью-Джерси. Пересечение границы штата. Он считает, что тут может быть замешана организованная преступность.

– Организованная преступность? Да мы еще вешдоки не все собрали. Нью-Джерси? Что за чушь?

– Да, Винсент, боюсь, что все это фантазии. И с единствен-

ной целью – преподать мне урок. Но теперь я чувствую себя как Братец Кролик, которого бросили в терновый куст, потому что я нашел здесь вас в роли главного. Как при нашей первой встрече в Музее естественной истории.

Д’Агоста хмыкнул. С одной стороны, он был рад видеть Пендергаста, а с другой – его не радовало участие ФБР. К тому же, вопреки нехарактерной для него болтливости, казавшейся вымученной, Пендергаст выглядел неважно, очень неважно. Он был тощий, настоящий скелет, с осунувшимся лицом и темными кругами под глазами.

– Я понимаю, что вы не приветствуете такое развитие событий, – сказал Пендергаст. – Постараюсь не путаться у вас под ногами.

– Для меня это не проблема, все дело в отношениях между нью-йоркской полицией и ФБР. Давайте я покажу вам место преступления и познакомлю с ребятами. Вы хотите сами осмотреть тело?

– Когда криминалисты закончат, я буду рад.

«Рад». Радости в его голосе не было. А еще меньше радости он испытает, когда увидит тело убитой три дня назад и обезглавленной женщины.

– Вход и выход? – спросил Пендергаст на пути к гаражу.

– С этим вроде бы все ясно. У убийцы имелись ключи от замка на задних воротах, он заехал, выгрузил тело и уехал.

Они подошли к площадке перед открытыми воротами гаража, где ярко горел свет. Криминалисты уже заканчивали

работу, собирали свои вещи.

– Откуда здесь листья? – без особого интереса спросил Пендергаст.

– Мы думаем, тело перевозили в кузове грузовичка под грудой листьев, привязав его и накрыв куском брезента. Брезент оставили в углу, листья и тело выгрузили у задней стены. Мы допрашиваем соседей, пытаемся выяснить, не видел ли кто-нибудь грузовичок или легковушку. Пока безрезультатно. В районе круглосуточно напряженный трафик.

Д’Агоста представил специального агента Пендергаста своим детективам и Карузо – никто из них даже не попытался скрыть свое неудовольствие вмешательством ФБР в дело. Не способствовала успеху и внешность Пендергаста, который выглядел так, будто только-только вернулся из антарктической экспедиции.

– Ладно, заканчиваем, – сказал Карузо, не глядя на Пендергаста.

Д’Агоста вошел следом за Пендергастом в гараж, и оба направились к телу. Листья были раскиданы в стороны, и тело теперь лежало на спине, демонстрируя выходную рану между ключицами, явно причиненную высокоскоростной экспансивной пулей. Пуля разорвала сердце, смерть наступила мгновенно. Даже д’Агоста, много лет расследовавший убийства, не привык к подобным зрелищам настолько, чтобы воспринимать это спокойно, – да и как можно спокойно воспринимать смерть такого молодого существа?

Лейтенант отступил назад, позволяя Пендергасту заняться делом, но, к его удивлению, агент не стал затевать свою обычную канитель с пробирками, пинцетами и лупами, которые появлялись словно из ниоткуда и требовали длительной возни с ними. Вместо этого Пендергаст просто обошел вокруг тела, почти равнодушно, разглядывая его с разных ракурсов и покачивая своей длинной светловолосой головой. Он обошел тело два раза, потом три. На четвертый он даже не стал скрывать выражения скуки на лице.

Наконец он подошел к д'Агосте.

– Нашли что-нибудь? – спросил д'Агоста.

– Винсент, вот уж воистину наказание мне. Если не считать самого обезглавливания, я не нахожу в этом убийстве ничего, что делало бы его хоть капельку интересным.

Они стояли бок о бок, глядя на труп. И тут д'Агоста услышал тихий вздох. Неожиданно Пендергаст опустился на колени, лупа все-таки возникла в его руке, и он принялся исследовать бетонный пол футах в двух от тела.

– Что там?

Специальный агент не ответил, изучая грязное пятно на цементе с таким усердием, как если бы это была улыбка Моны Лизы. Потом он перешел к самому телу и достал пинцет. Склонившись над перерезанной шеей так низко, что его лицо оказалось менее чем в дюйме от раны, он принялся манипулировать пинцетом под лупой, погрузил его концы в тело – д'Агоста чуть не отвернулся – и вытащил что-то, что вы-

глядело как резиновая лента, но явно было крупной веной. Пендергаст отрезал от нее короткий кусочек и сунул его в пробирку, покопался еще, вытащил другую вену и тоже уложил часть ее в пробирку. Несколько минут он провел за исследованием обширной раны, постоянно прибегая к помощи пинцета и пробирок.

Наконец он выпрямился. Скучающее, отсутствующее выражение почти исчезло с его лица.

– И что?

– Винсент, похоже, у нас появилась серьезная проблема.

– Какая именно?

– Голову отделили от тела прямо здесь. – Пендергаст показал на пол. – Видите эту крохотную щербинку на полу?

– Тут на полу множество щербинок.

– Да, но в этой имеется маленький фрагмент ткани. Наш убийца предпринял немалые усилия, чтобы отделить голову, не оставив следов, однако подобная работа довольно трудна, и в какой-то момент он сделал неверное движение, результатом чего стала эта крохотная щербинка.

– Но где же тогда кровь? Ведь если голову отделили от тела прямо здесь, то должно было остаться хоть сколько-то крови.

– Вот! Кровь отсутствует, потому что голову отделили от тела спустя много часов, а то и дней после того, как жертву застрелили. Ее кровь вытекла где-то в другом месте. Взгляните на рану!

– После того?.. И сколько прошло времени?

– Судя по сокращению шейных вен, я бы сказал, что не менее двадцати четырех часов.

– Вы хотите сказать, что убийца вернулся и отрезал ей голову *через двадцать четыре часа*?

– Вполне вероятно. Или же мы имеем дело с двумя людьми, возможно связанными друг с другом.

– То есть преступников было *двое*?

– Первый – тот, кто убил ее и привез сюда, а второй – тот, кто ее нашел и отрезал ей голову.

Лейтенант д'Агоста остановился у двери особняка на Риверсайд-драйв, 891. В отличие от соседних зданий, весело разукрашенных рождественскими гирляндами, особняк Пендергаста, хотя и пребывавший в прекрасном состоянии для своего возраста, выглядел мрачным и заброшенным. Слабое зимнее солнце с трудом продиралось сквозь тонкую завесу туч, проливая водянистый утренний свет на реку Гудзон, несущую свои воды за ширмой деревьев на Вест-Сайд-хайвее. Настал еще один холодный, гнетущий зимний день.

Глубоко вздохнув, лейтенант поднялся на крыльцо и постучал. Дверь с поразительной быстротой открыл Проктор, таинственный шофер Пендергаста и его помощник во всех делах. Д'Агосту немного удивило, насколько изменился Проктор со времени их последней встречи: обычно выглядевший крепким и даже крупным, он сильно похудел. Однако лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, а его одежда – рубашка от «Лакост» и темные свободные брюки – характерно небрежной для человека, предположительно находящегося на службе.

– Приветствую, мм, мистер Проктор. – Д'Агоста никогда не знал, как обращаться к этому человеку. – Я могу увидеть агента Пендергаста?

– Он в библиотеке, прошу за мной.

Но его не было в библиотеке. Агент неожиданно появился в столовой, облаченный в свой обычный безукоризненный черный костюм.

– Винсент, добро пожаловать. – Они обменялись рукопожатием. – Кладите пальто на стул.

Проктор, притом что именно он обычно открывал входную дверь, никогда не предлагал снять пальто. Д’Агоста всегда подспудно чувствовал, что этот человек больше чем просто слуга и шофер, но ему так и не удалось понять, чем занимается Проктор и что связывает его с Пендергастом.

Винсент снял пальто и уже собирался перебросить его через руку, когда Проктор, к его удивлению, взял пальто и унес. Они прошли через столовую в зал приемов, и глаза д’Агосты невольно остановились на пустом мраморном пьедестале, на котором прежде стояла ваза.

– Кстати, я должен вам объяснить, – сказал Пендергаст, показывая на пустой пьедестал. – Я очень сожалею, что Констанс ударила вас вазой эпохи Мин.

– И я тоже, – кивнул д’Агоста.

– Примите мои извинения за то, что не объяснился с вами раньше. Констанс поступила так, чтобы спасти вам жизнь.

– Хорошо. Ладно. – Это объяснение имело мало смысла. Как и многое другое, связанное с той безумной чередой событий. Д’Агоста огляделся. – А где она?

На лице Пендергаста появилось суровое выражение.

– Уехала.

Его ледяной тон исключал дальнейшие расспросы.

Воцарилось неловкое молчание, но потом Пендергаст смягчился:

– Пройдемте в библиотеку. Расскажите мне, что вам удалось узнать.

Д’Агоста последовал за ним по залу приемов в теплую, превосходно обставленную комнату с огнем в камине, темно-зелеными стенами, дубовыми панелями и бесконечными шкафами со старинными книгами. Пендергаст указал на «ушастое» кресло по одну сторону камина, сам сел напротив:

– Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? У меня тут зеленый чай.

– Э-э, кофе был бы кстати, если у вас есть. Обычный, две ложки сахара.

Проктор, маячивший у входа в библиотеку, исчез. Пендергаст откинулся на спинку кресла:

– Насколько я понял, вы идентифицировали тело.

Д’Агоста поерзал в кресле:

– Да.

– И?..

– К моему удивлению, мы нашли ее по отпечаткам пальцев. Они всплыли почти сразу же – наверное, потому, что у нее снимали отпечатки, когда она подала заявку на включение в систему «Глобальный въезд» – ну, вы знаете, Про-

грамма надежного путешественника³. Ее имя – Грейс Озмиан, двадцати трех лет, дочка Антона Озмиана, миллиардера, разбогатевшего на высоких технологиях.

– Знакомое имя.

– Он был соавтором технологии трансляции музыки и видео по Интернету. Основатель компании «ДиджиФлад». Нищенское детство, но быстрый взлет. Теперь он богат как Крез. Каждый раз, когда его стриминговая программа загружается на чей-нибудь компьютер, его компания получает часть денег.

– И вы говорите, что убитая – его дочь.

– Верно. Он ливанец второго поколения, учился на полученный грант в Массачусетском технологическом. Грейс родилась в Бостоне, ее мать погибла в авиакатастрофе, когда дочери было пять лет. Она выросла в Верхнем Ист-Сайде, посещала частные школы, училась плохо, никогда не работала, вела роскошный образ жизни на деньги папочки. Несколько лет назад уехала жить на Ибицу, потом переселилась на Майорку, но около года назад вернулась в Нью-Йорк и стала жить с отцом в Тайм-Уорнер-центре. У него там квартира на восемь спален, вернее, две квартиры, соединенные в одну. Отец сообщил о пропаже дочери четыре дня назад. Устроил жуткий скандал в полиции и, вероятно, занят тем же и в ФБР. У него связи повсюду, и он поднял всех на

³ Программа «Глобальный въезд» предусматривает облегченную процедуру таможенного и пограничного контроля при въезде в США.

уши, пытаюсь найти дочь.

– Несомненно. – Пендергаст поднес к губам чашку и сделал глоток. – Наркотиками она не баловалась?

– Не исключено. Теперь столько народу на игле – что бедные, что богатые. Нигде это не зафиксировано, но ее несколько раз подбирали в состоянии опьянения, последний раз полгода назад. Анализ показал присутствие кокаина в крови. Обвинений не предъявлялось. Мы составляем список всех, с кем она имела дело, – вокруг нее была немалая толпа прихлебателей. В основном бездельники, детишки богатых родителей из Верхнего Ист-Сайда и всякий европейский мусор. Как только известим отца, начнем обрабатывать ее дружков. Вы, конечно, будете получать всю информацию.

Проктор принес чашку кофе.

– Вы хотите сказать, отец еще не знает? – спросил Пендергаст.

– Ну да... ее идентифицировали всего час назад. И я у вас отчасти поэтому.

Пендергаст вскинул брови, и на его лице появилось недовольное выражение.

– Надеюсь, вы не станете просить меня нанести ему визит соболезнования.

– Это не визит соболезнования. Вы ведь делали такое прежде, верно? Это часть расследования.

– Принести миллиардеру Озмиану новость об убийстве и обезглавливании его дочери? Нет уж, спасибо.

– Слушайте, это не просьба. Вы не можете отказаться. Вы – ФБР. Мы должны показать ему, что мы серьезно занимаемся расследованием, как и Бюро. Если вас там не будет, поверьте мне, ваш начальник обязательно об этом узнает. Вам это нужно?

– Я могу вынести неудовольствие Говарда Лонгстрита. Я не в настроении покидать сейчас мою библиотеку и отправляться куда-то с миссией скорби.

– Вам нужно увидеть его реакцию.

– Вы думаете, он подозреваемый?

– Нет, но, возможно, убийство связано с его деловыми контактами. Я хочу сказать, что этот тип считается мерзавцем мирового уровня. Он уничтожил немало карьер, захватил кучу компаний враждебным поглощением. Может, он разозлил не тех людей и они, чтобы отомстить, убили его дочь.

– Мой дорогой Винсент, подобные вещи не самая сильная моя сторона.

Д'Агоста начал злиться. Лицо у него покраснелось. Обычно он уступал Пендергасту, но на сей раз специальный агент был категорически не прав. Он всегда славился своим умением правильно оценивать ситуацию – что с ним теперь такое, черт побери?

– Послушайте, Пендергаст. Если не для дела, то для меня. Я прошу вас как друг. Пожалуйста. Я не могу пойти к нему один, просто не могу.

Он почувствовал на себе пристальный взгляд серебристых глаз Пендергаста. Наконец агент поднял чашку, осушил ее и со вздохом поставил на блюдце:

– Трудно сказать «нет», когда к тебе взывают с такой мольбой.

– Хорошо. Отлично. – Д’Агоста встал, так и не прикоснувшись к кофе. – Но мы должны поспешить. Этот долбаный репортер Брайс Гарриман вынюхивает все, как пес. Новость может разойтись в любую минуту. Мы не можем допустить, чтобы Озмиан узнал о смерти дочери из заголовка в таблоиде.

– Прекрасно.

Пендергаст повернулся, и в дверях библиотеки, как по волшебству, снова появился Проктор.

– Проктор, – сказал Пендергаст, – будьте добры машину к дверям.

Винтажный «роллс-ройс-сильвер-рейт» с Проктором за рулем, столь неуместный в тесном, запруженном пешеходами лабиринте Нижнего Манхэттена, протиснулся сквозь затор на Вест-стрит и подъехал к штаб-квартире «Диджи-Флад» в середине Кремниевой аллеи. Территория «Диджи-Флад» с двумя большими зданиями занимала целый квартал между Вест, Норт-Мур и Гринвич. В одном из зданий, построенном еще в девятнадцатом веке, прежде размещалось крупное полиграфическое предприятие; второе здание было новеньким пятидесятиэтажным небоскребом. Д'Агоста подумал, что из обоих открывается великолепный вид на Гудзон, а с другой стороны – на небесную линию Нижнего Манхэттена.

Д'Агоста предварительно позвонил в компанию и предупредил, что они едут на встречу с мистером Озмианом и у них есть информация о его дочери. И когда они въехали в подземный парковочный гараж под башней «ДиджиФлад», парковщик, поговорив с Проктором, указал на место возле бокса с надписью «ОЗМИАН 1». Они еще не успели выйти из машины, как появился человек в темно-сером костюме.

– Джентльмены, – обратился он к ним без всяких рукопожатий, чисто по-деловому, – можно попросить вас показать ваши удостоверения?

Пендергаст достал из кармана бумажник, раскрыл его и предъявил жетон ФБР, то же самое проделал со своим удостоверением д'Агоста.

– Мой водитель останется в машине, – сказал Пендергаст.
– Превосходно. Сюда, джентльмены.

Если этот человек и удивился, увидев полицейского и агента ФБР в «роллсе», то никак не показал своего удивления.

Они последовали за ним в расположенный рядом отдельный лифт, двери которого их сопровождающий открыл своим ключом. Выдохнув сжатый воздух, кабина резко набрала скорость и через минуту достигла верхнего этажа. Двери с шуршанием открылись, и посетители шагнули в помещение, явно предназначенное для высшего руководства. Д'Агоста сразу обратил внимание, что главную роль в дизайне играет матовое стекло, шлифованный черный гранит и полированный титан. В этом пространстве с его пустотой было что-то от традиции дзен. Сопровождающий шел быстрым шагом, они следовали за ним по просторной зоне ожидания, изогнутой, как мостик космического корабля, пока не подошли к двойным березовым дверям в середине стены, которые бесшумно открылись при их приближении. За дверьми находилось несколько внешних офисов, заполненных мужчинами и женщинами, одетыми в то, что д'Агоста принял за повседневный шик Кремниевой долины: черные футболки и льняные пиджаки, джинсы в обтяжку и эти испанские туфли,

ставшие последним пискom моды, — как там они называются? Пиколинос.

Наконец они добрались до логова самого предпринимателя: перед ними оказались еще одни двойные березовые двери, такие большие, что в одну из них была встроена меньшая дверь для нормального входа и выхода.

— Джентльмены, пожалуйста, подождите здесь минутку.

Человек проскользнул в меньшую дверь и закрыл ее за собой.

Д'Агоста посмотрел на Пендергаста. Из-за двери до них доносился приглушенный голос, набирающий высоту в контролируемой ярости. Слов д'Агоста не мог уловить, но смысл не вызывал сомнений: какому-то бедняге вставляли болт в задницу. Голос достиг пика и оборвался, словно завершив список претензий. Наступила неожиданная тишина.

Через секунду дверь открылась. Вышедший из нее человек — седоволосый, высокий, красивый, безукоризненно одетый — всхлипывал, как ребенок, его лицо было залито слезами.

— Помните, я считаю вас ответственным! — догнал его голос из кабинета. — Мы нарушаем проприетарный код по всему Интернету из-за этой треклятой инсайдерской утечки. Найдите сукина сына, который виноват в случившемся, или пострадает ваша задница!

Человек, как слепой, прошел мимо них и исчез в зоне ожидания.

Д'Агоста еще раз посмотрел на Пендергаста, чтобы увидеть его реакцию, но никакой реакции не было; лицо агента, как всегда, оставалось непроницаемым. Лейтенант порадовался тому, что Пендергаст обрел свою прежнюю форму, по крайней мере внешне; его тонко вылепленное лицо было таким бледным, что казалось высеченным из мрамора, его глаза особенно ярко горели в прохладном естественном свете, заполнявшем помещение. Однако его худоба пугала.

Жалкий вид сотрудника компании, которому устроили взбучку, немного выбил д'Агосту из колеи, и он мысленно посмотрел на себя со стороны. После женитьбы на Лоре Хейворд он стал носить двубортные костюмы только от лучших итальянских модельеров – Бриони, Раваццоло, Зеньи – с рубашками из тонкого хлопка от «Брукс бразерс». Единственным намеком на форму оставалась лейтенантская шпала на лацкане. Нужно сказать, что именно Лора изменила его отношение к одежде, выбросив все его коричневые костюмы из полиэстера. Д'Агоста обнаружил, что одежда дает ему ощущение защищенности, словно у него в кармане лежит миллион долларов, хотя коллеги и подшучивали над ним, говоря, что в двубортном костюме он похож на мафиози. Это даже доставляло ему удовольствие. Он только старался не перещеголять своего босса, капитана Глена Синглтона, который был известен всей нью-йоркской полиции как записной модник.

Снова появился их сопровождающий в темно-сером ко-

стюме:

– Мистер Озмиан примет вас немедленно.

Они последовали за ним в большой угловой кабинет, выходящий окнами на южную и западную стороны. Строгие изящные грани Башни Свободы⁴ заполняли одно из окон и казались такими близкими, что д'Агоста мог бы дотянуться до них. Из-за черного гранитного стола, похожего на каменные плиты, сложенные наподобие надгробия, вышел человек. Худой, высокий, аскетического вида, очень красивый, с черными волосами, седеющими на висках, с коротко стриженной седоватой бородкой, в очках в стальной оправе. На нем был белый вязаный свитер из толстой пряжи, черные джинсы и черные туфли. Этот монохромный эффект производил сильное впечатление. Хозяин кабинета не выглядел как человек, который только что высек кого-то, как мальчишку. Но и дружелюбным он не казался.

– Да, пора бы уже, – заявил он и показал на кресла сбоку от стола, не приглашая, а словно приказывая садиться. – Моя дочь отсутствует вот уже четыре дня. И наконец-то власти удостоили меня визитом. Садитесь и рассказывайте, что происходит.

Д'Агоста посмотрел на Пендергаста и увидел, что тот не собирается садиться.

– Мистер Озмиан, – начал Пендергаст, – когда вы в по-

⁴ *Башня Свободы* – небоскреб, построенный на месте разрушенных башен-близнецов; другое название этого здания – Всемирный торговый центр 1.

следний раз видели свою дочь?

– Я не собираюсь повторять все это снова. Я рассказывал об этом по телефону с десятков...

– Прошу вас, всего два вопроса. Когда вы в последний раз видели дочь?

– За обедом. Четыре дня назад. После этого она отправилась к друзьям. Домой так и не вернулась.

– А когда конкретно вы обратились в полицию?

Озмиан вздохнул:

– На следующее утро, около десяти.

– Разве вы не привыкли к ее поздним возвращениям?

– Но не к таким поздним. Что именно...

Внезапно он замолчал. Видимо, подумал д'Агоста, он увидел что-то на их лицах. У этого человека было собачье чутье.

– Что случилось? Вы ее нашли?

Д'Агоста глубоко вздохнул, собираясь заговорить, но Пендергаст, к его великому изумлению, опередил его.

– Мистер Озмиан, – произнес Пендергаст своим самым спокойным, ровным голосом, – мы принесли вам плохие новости: ваша дочь мертва.

Озмиана словно подстрелили. Он пошатнулся, и ему пришлось ухватиться за подлокотник кресла, чтобы не упасть. Его лицо мгновенно побледнело, губы зашевелились, но произвели только неразборчивый шепот. Он стал похож на стоящего мертвеца.

Его снова качнуло, и д'Агоста шагнул вперед и обхватил

его за плечи:

– Давайте присядем, сэр.

Человек безмолвно кивнул и позволил подвести себя к креслу. В железной хватке д'Агосты он казался легким как перышко.

Губы Озмиана сложились в вопрос «как?», но из них вырвалась только струйка воздуха.

– Ее убили, – сказал Пендергаст по-прежнему очень ровным голосом. – Ее тело нашли вчера вечером в заброшенном гараже в Куинсе. Мы смогли идентифицировать ее сегодня утром. Мы пришли к вам, поскольку хотели, чтобы это известие дошло до вас официально, прежде чем оно появится в газетах, а оно там появится очень скоро.

Хотя Пендергаст говорил без всяких прикрас, голос его передавал сострадание и скорбь.

И опять губы Озмиана шевельнулись.

– Убили? – с трудом выдавил он.

– Да.

– Как?

– Выстрелом в сердце. Она умерла мгновенно.

– Выстрелом? *Выстрелом?* – Его смертельно бледное лицо слегка порозовело.

– Через несколько дней мы будем знать больше. Боюсь, что вам предстоит процедура опознания тела. Мы, конечно, будем рады проводить вас туда.

Недоумение и ужас исказили лицо Озмиана.

– Но... *убили*? За что?

– Следствие сделало только первые шаги. Судя по всему, ее убили четыре дня назад и оставили тело в гараже.

Озмиан ухватился за подлокотники и поднялся на ноги. Его лицо стремительно обретало огненно-красный цвет. Несколько секунд он стоял, переводя взгляд с Пендергаста на д'Агосту и обратно. Было очевидно, что к нему возвращается способность мыслить и что он готов вот-вот взорваться.

– Вы... – начал он. – Вы ублюдки.

Никто ему не ответил.

– Где было ФБР все эти четыре дня? Это ваша вина, *ваша вина*! – Его голос, вначале едва слышный, звучал все громче, и к концу фразы Озмиан сорвался на крик, брызжа слюной.

Пендергаст очень сдержанно прервал его:

– Мистер Озмиан, она, вероятно, была уже мертва, когда вы сообщили о ее исчезновении. Но я вас заверяю, что делалось все возможное, чтобы ее найти. Все возможное.

– Вы, пустоголовые бездари, вы всегда так говорите, лживые сукины...

Озмиан захлебнулся собственным голосом, словно проглотил слишком большой кусок. Он закашлялся, лицо его побагровело. С яростным криком он шагнул вперед, схватил со стеклянного столика тяжелую скульптуру, поднял ее и швырнул на пол. Покачнувшись, он потащился к электронной доске, отбросил ее в сторону, перевернул лампу, схватил со своего рабочего стола какую-то награду, сделанную из ке-

рамики, и кинул ее на стеклянный столик, отчего оба предмета с ужасающим треском разлетелись на мелкие осколки, дождем посыпавшиеся на гранитный пол.

В кабинет вбежал человек в темно-сером костюме.

– Что происходит? – спросил он в замешательстве, пораженный видом разгромленного кабинета и своего босса, вышедшего из берегов. Его взгляд заметался между Озмианом, Пендергастом и д’Агостой.

Появление этого человека как-то подействовало на Озмиана, он подавил в себе вспышку ярости и, тяжело дыша, остановился посреди комнаты. Осколок стекла попал ему в лоб, из ранки выступила капелька крови.

– Мистер Озмиан?..

Озмиан повернулся к своему подчиненному и заговорил хриплым голосом, но спокойно:

– Выйди. Запри дверь. Найди Изабель. Сюда никто не должен входить, кроме нее.

– Да, сэр.

Человек почти бегом покинул кабинет.

Озмиан неожиданно разразился слезами, истерически всхлипывая. Немного помедлив, д’Агоста все же подошел к миллиардеру, взял его под руку и опять помог сесть в кресло. Озмиан сгорбился, обхватил себя руками и принялся раскачиваться взад-вперед, рыдая и охая.

Минуту-другую спустя он начал выходить из этого состояния. Вытащил платок из кармана, тщательно обтер лицо, с

трудом взял себя в руки и замер в молчании.

Наконец он произнес ровным голосом:

– Расскажите мне все.

Д'Агоста откашлялся и начал говорить. Он рассказал, как двое мальчишек нашли тело в гараже в куче листьев, как за дело взялся отдел по расследованию убийств. Он сообщил, что привлек к делу всю команду криминалистов во главе с лучшим профессионалом и сейчас преступление расследуют более сорока детективов. Это приоритетное дело всего подразделения, к тому же ФБР оказывает всестороннюю помощь. Д'Агоста выставил все в самом выгодном свете. Озмиан слушал, сидя с опущенной головой.

– У вас есть какие-либо предположения насчет того, кто мог это сделать? – спросил Озмиан, когда д'Агоста закончил.

– Пока нет, но будут. Мы найдем убийцу, даю вам слово.

Он замолчал, не зная, как сказать Озмиану об обезглавливании. У него не получилось упомянуть об этом в своем рассказе, но он знал, что прежде, чем они уйдут, придется все сказать, ведь газеты будут по-всякому пережевывать этот факт. И самое ужасное, что Озмиана попросят опознать обезглавленное тело – тело его дочери. Полиции было известно, что это она, по отпечаткам пальцев, но закон все еще требовал физического опознания, даже если оно, как в данном случае, представлялось ненужным и жестоким.

– После того как вы опознаете тело, – снова заговорил д'Агоста, – мы бы хотели поговорить с вами, и чем скорее, тем

лучше. Нам нужно получить сведения о знакомых вашей дочери, которых вы знаете, их имена и контактную информацию. Нам нужно услышать обо всех трудностях в ее жизни и в вашей деловой или профессиональной сфере – обо всем, что может быть связано с убийством. Какими бы неприятными ни были эти вопросы, я уверен, вы понимаете, почему мы обязаны их задать. Чем больше мы узнаем, тем скорее поймем того или тех, кто совершил это преступление. Естественно, вы можете пригласить своего адвоката, если чувствуете такую необходимость.

Озмиан помедлил:

– Прямо сейчас?

– Мы бы хотели поговорить с вами в департаменте, если вы не возражаете. После... опознания. Может быть, попозже сегодня днем, если вы почувствуете в себе силы?

– Послушайте, я... я готов помогать. Убита... Господи, помоги мне...

– Есть еще одно обстоятельство, – сказал Пендергаст тихим голосом, который сразу же заставил Озмиана замолчать.

Миллиардер поднял голову и посмотрел на Пендергаста со страхом в глазах.

– Какое? – спросил он.

– Вы должны быть готовы опознать дочь по телесным признакам – родинкам, татуировкам, хирургическим шрамам. Или по каким-то другим признакам, не телесным. Например, по ее одежде и другим вещам.

Озмиан моргнул:

– Я не понимаю.

– Тело вашей дочери было обезглавлено. Мы... пока не нашли голову.

Озмиан смотрел на Пендергаста бесконечно долгое мгновение. Потом его глаза скользнули в сторону в поисках д'Агосты.

– Почему? – прошептал он.

– Это вопрос, на который мы очень хотели бы найти ответ, – сказал Пендергаст.

Озмиан продолжал сидеть, обмякнув в кресле. Наконец он произнес:

– Когда будете уходить, дайте моему помощнику адрес морга и адрес места, где вы собираетесь говорить со мной. Я буду там в два часа дня.

– Хорошо, – сказал Пендергаст.

– А теперь оставьте меня.

Марк Кантуччи резко проснулся, когда самолет в его сне начал стремительно падать в океан. Кантуччи лежал в темноте, и его сердце постепенно умирало свой бешеный ритм, по мере того как вокруг проступали привычные очертания его спальни. Он дьявольски устал от этого повторяющегося сна, в котором он летел в самолете, захваченном террористами. Они ворвались в кабину пилотов и заперли дверь, и секунды спустя самолет резко накренился и нырнул в безумное пике, со всей скоростью устремляясь к далекому штормовому морю, а он в свой иллюминатор видел, как черная вода все приближается и приближается, и понимал, что конец неизбежен.

Он лежал в кровати и думал, что лучше: включить свет и почитать немного или попытаться уснуть. Который теперь час? В комнате стояла полная темнота, и стальные рольставни на окнах были опущены, так что прикинуть хотя бы приблизительно, который час, он никак не мог. Кантуччи потянулся к своему сотовому телефону, лежавшему на прикроватном столике. Куда делся этот треклятый телефон? Не мог же он забыть положить его туда: привычки Кантуччи были отлажены, как часы. А вот, выходит, забыл, потому что телефона там не было.

Слишком раздосадованный, чтобы заснуть, Кантуччи сел,

включил лампу возле кровати и повертел головой в поисках телефона. Он сбросил с себя одеяло, встал, осмотрел пол вокруг кровати, куда мог бы свалиться телефон, потом подошел к деревянной вешалке, на которую повесил брюки и пиджак. Быстрая проверка показала, что телефона нет и там. Происходящее вызывало у него все большее раздражение.

Прикроватных часов у него не было, но система сигнализации имела встроенные часы с диодным экранчиком, поэтому Кантуччи подошел к блоку и сдвинул защитную панель. И тут его ждал еще один пренеприятнейший сюрприз: экран блока сигнализации был черным, огонек, показывающий, что сигнализация активирована, не горел. Однако электричество в доме никто не отключал, и блок системы внутреннего наблюдения, расположенный рядом, продолжал работать. Очень странно.

Кантуччи впервые ощутил укол страха. Система тревожной сигнализации была лучшей из тех, что продавались за деньги. Ее не только намертво вмонтировали в дом, но и обеспечили своим автономным питанием и не менее чем двумя запасными аккумуляторами на случай отключения электричества или каких-либо технических проблем, а кроме того, для связи с тревожной линией охранной компании имелись городской, сотовый и спутниковый телефоны.

Но вот пожалуйста, сигнализация не работала.

Кантуччи, бывший нью-джерсийский прокурор, который уничтожил преступное семейство Отранто, прежде чем са-

мому стать адвокатом гангстеров у соперничающего семейства Бонифаччи и получить столько скрепленных кровью клятв возмездия, что и не сосчитать, имел все основания беспокоиться о собственной безопасности.

Экран системы внутреннего наблюдения работал как полагается, автоматически проверял все камеры в доме. Их было двадцать пять, по пять на каждый этаж особняка на Восточной Шестьдесят шестой улице, где Кантуччи жил в одиночестве. Он держал охранника, который оставался с ним в доме в течение дня, но на семь часов вечера было установлено автоматическое опускание стальных рольставней, и после этого времени дом становился неприступной мини-крепостью.

Наблюдая за циклической проверкой камер по этажам, Кантуччи вдруг увидел нечто странное. Он нажал на кнопку «стоп» и в ужасе уставился на экран. Привлекшая его внимание камера передавала картинку из главного холла здания, и она показывала незваного гостя – человека, облаченного в черное трико и с черной маской на лице. Человек держал в руках композитный лук с четырьмя оперенными стрелами в колчане. Пятая стрела находилась в луке – человек нес его перед собой, словно собираясь стрелять. Этот ублюдок походил на Бэтмена и Робин Гуда в одном флаконе.

Это было просто черт знает что. Каким образом он проник за стальные рольставни? И как ему удалось обойти тревожную сигнализацию?

Кантуччи нажал тревожную кнопку, но та, конечно, не сработала. А его сотовый исчез. Совпадение? Он поспешил к ближайшему городскому телефону и приложил трубку к уху. Тишина.

Когда человек вышел из угла охвата камеры, Кантуччи быстро переключился на следующую. Хорошо хоть эта система работала.

И как только он подумал об этом, ему пришла в голову другая мысль: почему незванный гость не вывел из строя всю систему?

Человек направился к лифту, остановился и нажал на кнопку рукой в черной перчатке. Кантуччи услышал гудение механизма – кабина спустилась с пятого этажа, где находилась его спальня, на первый.

Кантуччи немедленно обуздал свой страх. На его жизнь было совершено шесть покушений, и все провалились. Нынешнее – самое идиотское из них, и его тоже ждет неудача. Электричество пока не отключилось. Он может остановить лифт одним нажатием кнопки, после чего незванный гость окажется в ловушке... но нет. Нет!

Кантуччи без промедления натянул на себя халат, рывком открыл прикроватную тумбочку, вытащил оттуда «Беретту М9» и магазин с дополнительными пятнадцатью патронами и сунул их в карман халата. В пистолете и без того был полный магазин и еще один патрон в патроннике – так уж он привык, – но он все равно проверил. Все на месте.

Он бесшумно, но быстро вышел из спальни в узкий коридор и встал перед дверьми лифта. Кабина теперь снова поднималась. Кантуччи слышал постукивание и гудение механизмов, на указателе сменялись цифры этажей: третий... четвертый... пятый...

Он ждал в положении готовности к стрельбе, пока не услышал дрожь останавливающейся кабины. А потом, когда двери еще не успели открыться, он принялся стрелять в них. Девятимиллиметровые патроны «парабеллум» пробивали тонкую сталь, сохраняя убойную силу и по другую сторону, грохот в замкнутом пространстве был оглушающим. Стреляя, Кантуччи отсчитывал выстрелы, быстро, но точно – один, два, три, четыре, пять, шесть, – перемещая ствол по горизонтали и вертикали, чтобы наверняка поразить того, кто находится в кабине. У него осталось еще немало патронов, чтобы закончить работу, как только двери откроются.

Двери разошлись. К немалому потрясению Кантуччи, кабина оказалась пустой. Он запрыгнул внутрь и выстрелил два раза в потолок кабины, чтобы быть уверенным, что человек не спрятался там, потом нажал кнопку «стоп», зафиксировав кабину на этом этаже, чтобы ею больше нельзя было воспользоваться.

«Сукин сын». У киллера оставался единственный способ подняться к нему на этаж – по лестнице. Незванный гость был вооружен луком и стрелами. Кантуччи же, опытный стрелок, держал в руке пистолет. Он мгновенно принял решение: «Не

ждать, атаковать первому». Узкая лестница с площадками между этажами – неудобное место, чтобы стрелять из лука, но идеальное для стрельбы из пистолета в тесном пространстве.

Конечно, не исключалось, что и у противника есть пистолет, но он явно собирался воспользоваться луком. В любом случае Кантуччи не собирался рисковать.

Держа пистолет наготове, он босиком бросился вниз по лестнице, двигаясь почти бесшумно, готовый стрелять в любую секунду. Но, спустившись до второго этажа, он понял, что незваного гостя вообще нет на лестнице. Вероятно, тот поднялся, а потом вышел на одном из нижних этажей. Но на каком? Где этот мерзавец?

Кантуччи сошел с лестницы на втором этаже и, проверяя углы, скользнул в холл. Здесь никого не было. Один коридор через арку вел в общую комнату, другой заканчивался закрытой дверью ванной.

Кантуччи кинул взгляд на экран системы наблюдения в холле, прокрутил все камеры. Вот он где! На третьем этаже, крадется по коридору к музыкальной комнате. Что ему там нужно? Кантуччи мог бы подумать, что имеет дело с сумасшедшим, вот только его незванный гость двигался уверенно, словно у него имелся план. Но какой план? Уж не собирается ли он украсть Страдивари?

Господи боже, вот оно что. *Наверняка.*

Самое ценное его владение – скрипка Страдивари

«L'Amoroso» 1696 года, которая прежде принадлежала герцогу Веллингтонскому. Из-за скрипки, а еще из опасения за свою жизнь Кантуччи и установил такую серьезную систему безопасности в своем доме.

Он увидел, как человек зашел в музыкальную комнату и закрыл за собой дверь. Кантуччи переключил прибор на камеру внутри комнаты: преступник двигался к сейфу, в котором находилась скрипка. Как он собирается проникнуть в сейф? Эта чертова штукавина считалась стопроцентно надежной. Но ведь мерзавец уже умудрился отключить сложную сигнализацию. Кантуччи понял, что лучше не исходить из предположений.

Незванный гость не мог не слышать выстрелы, а следовательно, он знает, что хозяин дома вооружен и ищет его. Так что же у него на уме? Все происходящее казалось бессмысленным. Кантуччи увидел, как человек остановился у сейфа и нажал какие-то цифры на кнопочной панели. Явно неверные цифры. Теперь он достал серебряную коробочку – какое-то электронное устройство – и прикрепил ее к дверце сейфа. Чтобы сделать это, он прислонил лук и стрелы к стене.

Кантуччи понял, что это его шанс. Он знал, где находится незванный гость и где он проведет как минимум несколько следующих минут, а кроме того, он знал, что лук и стрелы сейчас не в руках преступника. Мысли этого человека сейчас заняты металлическим устройством и сейфом.

Кантуччи бесшумно поднялся по лестнице на третий этаж, выглянул из-за угла и увидел, что дверь музыкальной комнаты закрыта, а гость, вероятно, находится внутри. Проскользив босыми ногами по устланному ковром коридору, он остановился у закрытой двери. Он мог распахнуть ее и расстрелять человека задолго до того, как несостоявшийся вор сможет схватить свой дурацкий лук и стрелу и выстрелить в него.

Плавным целенаправленным движением он схватил ручку левой рукой, распахнул дверь и бросился внутрь с поднятым пистолетом, нацеленным в сторону сейфа.

Никого. Комната была пуста.

Кантуччи замер, мгновенно поняв, что попал в какую-то ловушку, потом повернулся кругом, поливая комнату огнем. Он не остановился даже в тот момент, когда стрела, пролетев по воздуху, пронзила ему грудь и пригвоздила его к стене. Вторая и третья стрелы, выпущенные одна за другой, прочно прибили его к стене – три стрелы треугольником пронзили его сердце.

Незванный гость, который занимал позицию в открытой двери комнаты по другую сторону коридора, прошел вперед и остановился в двух футах от жертвы, удерживаемой в вертикальном положении тремя стрелами. Голова Кантуччи упала на грудь, руки повисли. Убийца включил свет в коридоре. Он прислонил лук к стене и оглядел жертву, медленно

и расчетливо, с головы до ног. Потом двумя руками схватил поникшую голову. Приподнял ее и посмотрел в выпученные – но незрячие – глаза. Большим пальцем он поднял верхнюю губу убитого, чуть повернул голову, быстро осмотрел зубы, белые, ровные и без всяких пломб. Стрижка была дорогая, кожа лица гладкая и плотная. Для шестидесятипятилетнего человека Кантуччи очень неплохо заботился о себе.

Незванный гость отпустил голову, и та упала в прежнее положение. Он остался доволен.

На следующий день, в четыре часа пополудни, начальник следственного отдела лейтенант Винсент д'Агоста сидел в просмотровой комнате Б205 в здании Уан-Полис-Плаза⁵, прихлебывал из чашки пережженный, мутный, холодный как лед кофе и просматривал нечеткую видеозапись с камеры наблюдения, которая выходила на промышленную часть Куинса, где было найдено тело. За просмотром записей последней из трех паршивых камер наблюдения он провел два часа без всяких результатов. Он мог бы поручить это занятие кому-нибудь из подчиненных, но какая-то его часть противилась тому, чтобы загружать своих людей такой нудной работой.

Услышав, как кто-то постучал по открытой двери, д'Агоста повернулся и увидел высокую атлетическую фигуру своего начальника капитана Синглтона, облаченного в моднейший синий костюм; очертания его слегка оттопыренных ушей вырисовывались в тусклом свете из коридора. В руках Синглтон держал две банки пива.

– Винни, на кого ты собираешься произвести впечатление? – спросил он, входя.

Д'Агоста остановил прокрутку, откинулся на спинку стула

⁵ Уан-Полис-Плаза – здание, в котором находится штаб-квартира департамента полиции Нью-Йорка.

и потер руками лицо.

Синглтон уселся рядом с д'Агостой и поставил перед лейтенантом одну из банок пива:

– Этот кофе следует арестовать и обыскать. Попробуй-ка пиво вместо него.

Д'Агоста схватил ледяную банку, вскрыл и, когда та изда-ла дружелюбное шипение, приподнял ее:

– Спасибо от всей души, капитан.

Он с благодарностью присосался к банке.

Синглтон открыл свою банку:

– Ну, так что у тебя есть?

– Что касается записей с камер наблюдения, то ничего. Между тремя этими камерами огромные мертвые зоны, и я уверен, что все действие происходило именно там.

– А записи по прилегающей территории?

– В том-то и дело. Это в основном жилой район, ближай-ший магазин – в добром квартале оттуда.

Синглтон кивнул:

– Никаких связей с убийством прошлой ночи? Этого юри-ста гангстеров, Кантуччи?

– Кроме обезглавливания – ничего. Методы совершения преступления абсолютно различные. Разное оружие, разные способы проникновения и отхода. Жертвы никак не связа-ны. К тому же в случае с Озмиан обезглавливание произо-шло сутки спустя после убийства, а голову Кантуччи отреза-ли сразу же после смерти жертвы.

– Значит, ты считаешь, что связи между ними нет?

– Возможно, что и нет, но два обезглавливания одно за другим – довольно странное совпадение. Я ничего не исключаю.

– А что с записями камер наблюдения в доме Кантуччи?

– Ничего. Их даже не стерли – просто забрали жесткие диски. Кто-то заранее вывел из строя камеры перед домом на обоих углах Третьей авеню. Парень, который прикончил Кантуччи, был профессионалом.

– Профессионал с луком и стрелами?

– Да. Может, это удар мафии, означающий некое послание. Кантуччи был настоящий сукин сын. Он уничтожил одну из семей, будучи прокурором, а потом пошел служить их врагам. Он грязнее тех умников, которых защищал, в два раза богаче и в три раза умнее. Врагов у него выше крыши. Мы над этим работаем.

– А девица Озмиан?

– Трудный ребенок. Наши криминалисты на всякий случай обыскали ее комнату в доме отца – ничего существенного. А еще мы проверяем ее друзей, тоже живущих на широкую ногу, но до сих пор не нашли никаких ниточек. Мы пока еще только зондируем.

Синглтон хмыкнул.

– Вскрытие подтвердило, что она была убита выстрелом сзади, потом она достаточно долго оставалась в неизвестном месте, где тело потеряло всю кровь, а оттуда ее перевезли

в гараж, где спустя приблизительно сутки тело обезглавили. У нас куча волосков, тканей и непроявленных отпечатков, с которыми мы работаем, но у меня предчувствие, что ничего из этого не получится.

– А отец?

– Суперхитрожопый. Мстительный. Абсолютный говнюк. У него бешеный темперамент: вопли, крики, крушит что ни попадя, потом вдруг резко стихает – жуть.

Когда днем ранее Озмиан пришел на опознание тела (опознал дочь по родинке на левой руке), он вел себя так тихо, что у д'Агосты от страха мурашки бегали по спине.

– Готов поспорить, что он дал своим людям команду потихоньку искать убийцу. Очень надеюсь, что мы найдем его первыми. Если люди Озмиана найдут его прежде, чем мы, боюсь, что преступник исчезнет без следа, а нам никогда не удастся закрыть дело.

– Он что, не скорбит?

– Скорбит, да еще как. Если его личная жизнь хоть немного похожа на профессиональную, то мне кажется, что его способ скорбеть будет состоять в том, чтобы отыскать преступника, помучить его хорошенько живого, потом сделать петельку из его кишок и повесить на ней.

Синглтон поморщился, сделал еще глоток:

– Миллиардер-линчеватель. Упаси нас бог. – Он посмотрел на д'Агосту. – Какие-нибудь связи с деловыми интересами отца? Ну, ты понимаешь: убить дочь, чтобы отомстить

отцу.

– Мы рассматриваем и такие варианты. Озмиан участвовал в множестве судебных разбирательств, получал немало угроз. Эти люди из интернет-компаний – сущие викинги.

Синглтон крикнул, и несколько секунд они просидели в молчании. Такова была манера Синглтона курировать расследования: присесть вечером, когда все уже разошлись, и почесать языком. Именно поэтому он был таким хорошим копом и замечательным коллегой. Наконец он зашевелился на стуле:

– Знаешь этого типа из «Пост», Гарримана, который тут все вынюхивает, задает вопросы, преследует моих ребят? От него есть какой-нибудь прок?

– Он сукин сын, но историю состряпать может.

– Очень плохо. Потому что история и без того громкая, а может стать просто вопиющей.

– Да.

– А ФБР? У них какая повестка? И почему они решили, что это дело федерального значения?

– Я с ними могу работать, не волнуйтесь.

– Рад слышать. – Синглтон поднялся. – Винни, ты прекрасно поработал. Продолжай в том же духе. Если понадобится какая-нибудь поддержка с моей стороны – скажем, пнуть кого-нибудь под зад для ускорения дела, – сообщи мне.

– Конечно, капитан.

Синглтон ушел. Д'Агоста кинул пустую банку в корзинку для мусора и вернулся к своему бесконечно нудному видео.

Лейтенант д'Агоста припарковал служебную машину в огороженном лентой пространстве перед таунхаусом. Он вышел из машины, с другой стороны вышел его помощник сержант Карри. Д'Агоста несколько секунд разглядывал таунхаус, сооруженный из розового гранита в центре тихого квартала между Второй и Третей авеню и обсаженный голыми деревьями гинкго. Убитый Кантуччи был худшим представителем гангстерских адвокатов, скользким как угорь. В течение двух десятилетий полиция держала его в перекрестье прицела, несколько раз его дело слушалось на заседании большого жюри, но им так и не удалось лишить его лицензии на адвокатскую деятельность. Он принадлежал к неприкосновенным.

Зато теперь к нему прикоснулись – капитально прикоснулись. И д'Агоста не мог понять, каким образом киллер преодолел сложнейшую охранную систему таунхауса.

Он покачал головой и направился к входу сквозь темноту декабрьского вечера. Карри придержал для него дверь, д'Агоста вошел в холл и огляделся. Дом был серьезный, заполненный старинными редкостями, картинами и персидскими коврами. Д'Агоста уловил слабый запах разных химикалий и растворителей, которыми пользовались криминалисты. Но их работа была уже завершена, так что ему не понадобилось

надевать обычные в подобных случаях бахилы, шапочку и халат, и д'Агоста был благодарен за это, вдыхая спертый воздух, поскольку рольставни таунхауса все еще оставались опущены.

– Готовы для прогулки, сэр? – спросил Карри.

– А где консультант по системам безопасности? Он должен был ждать меня здесь.

Из тени появился человек – афроамериканец, невысокий, седоволосый, в синем костюме, державший себя с мрачным достоинством. Говорили, что он один из лучших специалистов в городе по электронным системам безопасности, и д'Агоста удивился, увидев, что этому человеку под семьдесят.

Он протянул холодную руку:

– Джек Марвин. – Голос у него был глубокий, как у проповедника.

– Лейтенант д'Агоста. Скажите мне, мистер Марвин, каким образом этот сукин сын прошел через систему безопасности стоимостью в миллион долларов?

Марвин жутковато хохотнул:

– Очень искусно. Не хотите пройтись по дому?

– Да, конечно.

Марвин резво двинулся вперед по центральному коридору, д'Агоста и Карри поспешили за ним. Д'Агоста не мог понять, почему Пендергаст не появился здесь, хотя он и просил агента об этом. Такое дело ему наверняка понравилось бы, а в свете соперничества между полицией города и ФБР д'Аго-

ста полагал, что оказывает агенту услугу, приглашая его сюда. Впрочем, Пендергаст пока не проявлял особого интереса к этому делу – вспомнить хотя бы, с каким трудом его удалось вытащить к Озмиану.

– Здесь, – заговорил Марвин, сопровождая свою речь непрерывающейся жестикуляцией, – установлена система охранной сигнализации «Шарпс энд Гунд». Эта фирма обгоняет время в своей отрасли, лучше их нет никого. Именно ее предпочитают нефтяные магнаты Персидского залива и русские олигархи. – Он помолчал. – В доме в общем и целом двадцать пять камер. Одна здесь, – он показал на камеру в верхнем углу, – другие там, там и там. – Он быстро тыкал пальцем в разные стороны. – Каждый квадратный дюйм под наблюдением.

Марвин остановился и повернулся, взмахивая руками то в одну, то в другую сторону, как экскурсовод в каком-нибудь историческом особняке.

– А здесь у нас инфракрасный щит с детекторами движения по углам, тут и тут.

Он показал на дверь лифта и нажал кнопку:

– Сердце системы – на чердаке, в специальном стальном шкафу.

Дверь кабины, изрешеченная пулями, открылась, и они вошли внутрь.

Кабина, тихонько гудя, поднялась на пятый этаж, и здесь они вышли. Марвин продолжил:

– Камера здесь, здесь и здесь. Еще инфракрасные щиты, детекторы движения, детекторы давления. Спальня за этой дверью.

Он повернулся вокруг себя:

– Датчики на двери и на всех окнах, а после захода солнца окна забираются стальными ставнями. Система имеет множественные резервы. Обычно она питается от домашней электросети и имеет два независимых дополнительных источника питания: генератор и ряд морских аккумуляторов глубокого разряда. Система предусматривает три независимых метода оповещения живого оператора: по городскому телефону, то же самое по сотовому и то же самое по спутниковому. Даже если ничего не происходит, система каждый час подает сигнал «все в порядке».

Д’Агоста тихонько присвистнул. Он просто жаждал услышать, как эта система была побеждена.

– Система сообщает обо всех аномалиях. Если заряд аккумулятора низок, система дает оповещение. Если вырубается электричество, система дает сигнал. Помехи в сотовой сети – оповещение. Удар молнии, скачок напряжения, паук сплел паутину на инфракрасном датчике – оповещение. У «Шарпс энд Гунд» собственные команды реагирования, которые отправляются на сигнал, если полиция не торопится или если все патрульные машины на вызовах.

– Система кажется неуязвимой.

– Теперь уже не кажется, верно? Как и любая вещь, со-

зданная человеком, эта тоже имеет свою ахиллесову пятую.

Д'Агосте надоело стоять в темном коридоре. Его манила элегантная гостиная с удобными стульями в конце коридора, ведь он провел на ногах почти весь день после всего лишь полуторачасового сна.

– Присядем? – предложил он, махнув рукой в сторону гостиной.

– Я собирался показать вам чердак. Вот лестница.

Д'Агоста и Карри последовали за проворным консультантом к узкому лестничному пролету, который вел на низкий чердак. Когда Марвин включил свет, д'Агоста увидел пространство, наполненное пылью и пахнущее плесенью. Воздух здесь стоял спертый, к тому же им приходилось пригнуться.

– Нам сюда, – сказал Марвин, показывая на большой новенький металлический шкаф с открытой дверью. – Здесь центральный пульт управления системой. По существу, это большой сейф. Открыть невозможно, если вы не знаете кода, а у нашего преступника кода не было.

– Что же помогло ему проникнуть в дом?

– Троянский конь.

– В каком смысле?

– Система «Шарпс энд Гунд» знаменита своей неуязвимостью – хакеры против нее бессильны. Это обеспечивается путем частичной изоляции каждой системы безопасности от Интернета. Ни при каких обстоятельствах вы не мо-

жете внедрить в систему свои команды. Даже главный офис «Шарпс энд Гунд» не может передать какие-либо данные в систему безопасности, которая создана таким образом, что передача данных происходит строго в одностороннем порядке – из нее. Хакеры не могут проникнуть в нее удаленно.

– А если требуется сделать обновление или перезагрузку системы?

– Техник должен физически присутствовать на месте, открыть сейф с помощью кода, которого нет даже у владельца и даже у техника, – код создается генератором случайных чисел в центральном офисе и устно передается технарю, когда он прибывает на место, после чего он может загрузить в систему обновление при непосредственном к ней подсоединении.

Д’Агоста переступил с ноги на ногу, стараясь не удариться головой о потолок. Он увидел пару крысиных глаз, горящих в темноте и устремленных на пришельцев. Даже в доме стоимостью в двадцать миллионов водятся крысы. Лейтенант мысленно взмолился, чтобы Марвин поскорее приступил к делу.

– Хорошо, но как же преступнику удалось все это проверить?

– Первую вещь он сделал несколько дней назад. На улице перед домом он использовал блокирующее устройство, чтобы приостановить ежечасную отправку сообщений о нормальной работе системы. Он мог сделать это из машины

довольно простым генератором электромагнитных помех. Было послано несколько произвольных вспышек, которые несколько раз блокировали передачу сигнала по сотовой сети. «Шарпс энд Гунд» таким образом была введена в заблуждение, там решили, что система дает сбой и ее нужно заменить. И тогда они прислали двух человек – всегда двух человек – с новой установкой. Обычно они паркуются во втором ряду, и один остается в фургоне. Но ваш преступник воспользовался двумя дорожными конусами, чтобы заранее занять удобное парковочное место. Чуть подальше по улице. Очень привлекательно. И вот они паркуются там и оба идут к дому, оставив фургон без присмотра приблизительно на три минуты.

– И вы все это проработали?

– Конечно.

Д'Агоста кивнул, впечатленный.

– Ваш незваный гость пробирается в машину, берет сотовое устройство, заменяет карту памяти на другую, с вирусом, кладет устройство на место. Ремонтники возвращаются, забирают свои вещи, идут в дом, кодом, присланным им из офиса, открывают стопроцентно надежный сейф, устанавливают новое сотовое устройство и уходят. После чего вирус пробирается в систему и захватывает ее. *Полностью.* Этот вирус открыл киллеру входную дверь, потом закрыл за ним. Он отключил все телефоны. Он отрубил инфракрасный щит, детекторы движения и давления, но оставил камеры наблю-

дения. Вирус даже отпер сейф, чтобы преступник, уходя, мог забрать жесткие диски.

– Откуда этот неизвестный преступник мог узнать о работе системы столько, что сумел создать вирус? – спросил д’Агоста.

– Ниоткуда.

– Вы хотите сказать, это дело рук кого-то из своих?

– Однозначно. Чтобы создать такой вирус, преступник должен был декомпилировать фирменную программу системы. Он точно знал, что делает, а еще он знал о том, что фирма засекречивает все свои деловые операции. Я ничуть не сомневаюсь, что в дело были вовлечены служащие компании или бывшие служащие. И не кто угодно, а люди, очень хорошо знакомые с процессом установки этой конкретной системы.

Это была чертовски хорошая наводка. Но обстановка на чердаке уже начала доставать д’Агосту. Он весь вспотел, а воздух здесь стоял спертый. Он не мог дожидаться, когда выйдет на декабрьский холод.

– Скажите, мы уже закончили здесь?

– Пожалуй. – Но вместо того, чтобы пойти к лестнице, Марвин понизил голос: – Однако должен сказать вам, лейтенант, что при попытке получить список настоящих и бывших сотрудников фирмы я уперся в каменную стену. Исполнительный директор Джонатан Ингмар, первоклассный обструкционист...

– Давайте разберемся с этим, мистер Марвин.

Д’Агоста дружески взял Марвина за плечи и направил к лестнице. Они спустились в более прохладную атмосферу.

– Все это будет в моем докладе, – сказал Марвин. – Технические подробности, спецификации системы, работа. Представляю его вам завтра.

– Спасибо, мистер Марвин. Вы прекрасно поработали.

Когда они оказались на пятом этаже, д’Агоста сделал несколько глубоких, благодарных вдохов.

– Мартини?

В квартире на Пятой авеню, с гостиной, выходящей на Центральный парк и Резервуар имени Жаклин Кеннеди-Онассис, поверхность которого сверкала в лучах закатного солнца, Брайс Гарриман удобно устроился на диване в стиле Людовика XIV, сохраняя невозмутимый вид, с репортерским блокнотом на коленях. Блокнот, конечно, был только для вида: все записывалось на телефон Гарримана, лежащий в нагрудном кармане пиджака.

Было одиннадцать часов утра. Гарриман знал немало людей, попивающих коктейли до полудня, – он вырос с такими людьми, – но в данном случае он работал и хотел сохранить свои мозги в порядке. С другой стороны, он видел, что Изольде Озмиан, сидевшей напротив него в шезлонге, коктейль крайне необходим... и следует поощрить ее желание.

– Не откажусь, – сказал Гарриман. – Двойную порцию, безо льда с лимоном. «Хендрикс», если у вас есть.

Он сразу же увидел, как посветлело ее лицо.

– И мне то же самое.

Высокий, сутулый, мрачный дворецкий медленно кивнул, произнес: «Да, миссис Озмиан», потом развернулся с явственно слышимым скрипом и исчез в дверях фантастически вульгарной и загроможденной мебелью квартиры.

Гарриман отчетливо ощущал свое преимущество над сидящей перед ним женщиной и собирался воспользоваться им на всю катушку. Он знал таких людей, как она, притворяющихся, будто они принадлежат к высшему классу, и устранивших из этого презабавный шурум-бурум. Все в ней – от крашенных волос до избытка косметики и бриллиантовых украшений (бриллианты были слишком велики, чтобы быть элегантными) – вызывало у него желание покачать головой. Эти люди никогда ничего не поймут. Они никогда не догадаются, что их вульгарные бриллианты, длиннющие лимузины, ботоксные лица, английские дворецкие и гигантские дома в Хэмптоне являются социальным эквивалентом рекламного щита с надписью:

Я – НУВОРИШ, ПЫТАЮЩИЙСЯ ПОДРАЖАТЬ ТЕМ, КТО ВЫШЕ МЕНЯ, И Я НЕ ПОНИМАЮ, КАК ЭТО ДЕЛАТЬ

Сам Брайс не был нуворишем. Ему не требовались ни бриллианты, ни машины, ни дома, ни дворецкие, которые заявляли бы об этом. Ему требовалось только одно – его фамилия. Гарриман. Тот, кто знал, тот знал, а тот, кто не знал, не стоил его беспокойства.

Свою журналистскую карьеру Гарриман начал в «Нью-Йорк таймс», где благодаря своему таланту пробился наверх из редакторской в отдел городских новостей; но маленькие неприятности – включая его репортаж о происшествии, которое впоследствии стало известным как «бойня в метро»,

а также тот факт, что великий и несносный, ныне покойный Уильям Смитбек написал о том случае лучше и натянул ему нос, – привели к его бесцеремонному изгнанию из «Таймс». Это был самый мучительный период в его жизни. С поджатым хвостом он прокрался в «Нью-Йорк пост». В конечном счете тот его шаг, как выяснилось, привел к лучшим событиям в его жизни. Вечно бдительная, вечно ограничивающая редакторская рука, которая держала его в узде в «Таймс», в «Пост» оказалась гораздо менее жесткой. Больше никто не заглядывал через его плечо, не калечил его стиль. Гарриман обнаружил, что некая скупая элегантность, свойственная журналистике «Пост», не повредила ни ему, ни его верным читателям. За десять лет в газете он поднялся из рядовых до репортера-звезды в отделе городских новостей.

Но десять лет – период немалый в газетном деле, и карьера Гарримана в последнее время пошла под уклон. Несмотря на его снисходительное отношение к женщине, сидящей перед ним, он все же ощущал некоторую дрожь отчаяния. Он давно не выдавал громких историй и уже начал чувствовать на своей шее горячее дыхание более молодых коллег. Ему требовалось что-нибудь крупное, и не когда-нибудь, а прямо сейчас. Гарриман предполагал, что это может оказаться как раз таким делом. У него был нюх на определенный тип историй, он умел через разговор проникать в мысли определенного вида людей. Людей вроде женщины, сидящей напротив него, – Изольды Озмиан, бывшей модели, социальной выскочки, об-

разцово́й золоти́ско́вателни́цы, бы́вше́й же́ны-конфе́тки ве́ликого Анто́на Озми́ана, кото́рая за де́вять ме́сяцев супру́жеской бла́годати в хо́де гро́мкого бра́коразво́дного проце́сса полу́чила де́вяносто миллио́нов до́лларов. Бра́йс для се́бя подсчи́тал, что ка́ждый ме́сяц супру́жества стои́л Озми́ану де́сять миллио́нов, а ка́ждое сово́купле́ние обо́шлось в три́ста три́дцать три ты́сячи, е́сли счита́ть, что за́нимались о́ни э́тим раз в де́нь, хо́тя э́то я́вно бы́ла завы́шенная о́ценка, по́скольку Озми́ан бы́л о́дним из интэрнетных трудо́голиков и пра́ктически спал в сво́ем ка́бинете.

Бра́йс зна́л, что у него́ обо́стренное чу́тье на гро́мкую исто́рию, а у э́той исто́рии име́лись все при́знаки та́ковой. Но в по́следнее вре́мя он до́лжен бы́л опа́саться сво́их ко́лле́г из «По́ст», э́таких голо́дных младо́ту́рок, кото́рые то́лько и жда́ли случа́я ски́нуть его́ с тро́на. У него́ не полу́чилось про́биться к Озми́ану (а он на э́то наде́ялся), а ко́пы, в отли́чие от обы́чного, е́сли и отќрывали рты́, то ли́шь чу́ть-чу́ть. О́днако при́ема у Изо́лды он до́билс́я без тру́да. Вто́рая же́на Озми́ана бы́ла зна́менита сво́ей злопа́мятно́стью и мсти́тельностью, и он о́стро чув́ствовал, что э́та же́нщина – на́стоящая зо́лотая жи́ла в зло́бной и пре́красной упа́ковке, о́на то́лько и жде́т случа́я, что́бы вы́валить сво́ю го́ру гря́зи.

– И́так, ми́стер Га́рриман, – сказа́ла Изо́лда с ко́кетливой улы́бкой, – че́м я могу́ бы́ть ва́м по́лезной?

Га́рриман нача́л ме́дленно и не́принужденно:

– Я и́щу что-нибу́дь из про́шлого ми́стера Озми́ана и его́

дочери. Ну, вы понимаете, чтобы после трагического убийства помочь нарисовать их образ как человеческих существ, вот я о чем.

– Человеческих существ? – повторила Изольда, и в ее голосе послышалась некоторая резкость.

«Ну, тут будет много чего».

– Да.

Пауза.

– Я бы не стала давать им характеристику в таком ключе.

– Простите, в каком ключе? – спросил Брайс, изображая из себя тупое невежество.

– В ключе «человеческие существа».

Брайс сделал вид, что записывает в своем блокноте, давая ей время подумать.

– Я была наивной девочкой, невинной моделью из Украины, когда познакомилась с Озмианом. – Ее голос приобрел плаксивую нотку жалости к самой себе. – Он меня просто потряс, это было что-то: обеды, частные самолеты, пятизвездочные отели, всякие такие дела.

Она фыркнула. В ее акценте слышалась приятная славянская твердость и уродливая гнусавость Куинса.

Гарриман знал, что она была не просто моделью: ее красноречивые фотографии в обнаженном виде циркулировали в Сети и, возможно, будут циркулировать до скончания времен.

– Ах, какая же я была дура! – произнесла Изольда дрожа-

щим голосом.

В этот момент появился дворецкий с двумя огромными мартини на серебряном подносе, поставил один стакан перед хозяйкой, другой – перед Гарриманом. Изольда схватила свой, как человек, умирающий от жажды, и осушила едва ли не половину бассейна, прежде чем осторожно поставить стакан на место.

Брайс сделал вид, что тоже пригубил. Он не мог понять, что нашел в ней Озмиан. Она была, конечно, изумительно красива, стройная, спортивная, аппетитная, ее тело свернулось на шезлонге, как кошачье, но в мире хватало красивых женщин, из которых Озмиан мог бы выбрать. Почему ее? Разумеется, могли быть какие-то причины, проявляющиеся только в спальне. Пока Изольда говорила, Брайс мысленно перебирал различные возможности в этой области.

– Мною воспользовались, – сказала она. – Я понятия не имела, во что вляпалась. Он взял миленькую иностраночку и раздавил ее, вот так. – Она взяла вычурную подушечку и сжала ее самым безжалостным образом. – Вот так!

– На что был похож ваш брак?

– Вы наверняка читали об этом в газетах.

Он и в самом деле читал и даже сам кое-что писал, о чем ей было прекрасно известно. «Пост» приняла ее сторону – все ненавидели Антона Озмиана. Этот человек старался изо всех сил, чтобы его ненавидели.

– Всегда лучше узнавать что-то из первоисточника.

– У него был бешеный нрав. Боже ж ты мой, ну и нрав! Неделя прошла после нашей свадьбы, всего неделя, как он разгромил нашу гостиную, расколотил мою коллекцию мишек Сваровски, всех до одного, хруп, хруп, хруп. Это разбило мое сердце. Он был *ужасно* жестоким.

Брайс помнил эту историю. Все произошло, когда Озмиан узнал о том, что его жена спала с тренером по кроссфиту, а также со своим старым дружкой из Украины, и даже ходили разговоры, что она успела потрахаться с ними обоими в утро перед свадьбой. Пока что ничего нового. Она пыталась обвинить Озмиана в том, что он ее избил, но доказать избиение в суде не смогла. В конечном счете она подала на развод и отсудила у него девяносто миллионов, что было непростой задачей, даже если бы он был триллионером.

Брайс подался вперед и добавил сострадания в голос:

– Как ужасно это было для вас!

– Я должна была догадаться с самого начала, ведь моя малютка Пуфи укусила его, как только увидела. А потом...

– Я вот думаю, – мягко продолжил Брайс, направляя разговор в нужное ему русло, – не могли бы вы рассказать мне о его отношениях с дочерью, Грейс.

– Как вы знаете, она его дочь от первого брака. Не я ее родила, тут можете не сомневаться. Грейс – ну и имечко!⁶ – Изольда ядовито рассмеялась. – У нее с Озмианом были тес-

⁶ Имя Грейс (Grace) в переводе с английского означает в том числе «милосердие», «благодать».

ные отношения. Одного поля ягода.

– Насколько тесные?

– Он избаловал ее до невозможности! Во время учебы в колледже она только и делала, что убивала время на вечеринках, а диплом получила лишь благодаря тому, что папочка подарил колледжу новую библиотеку. Потом она отправилась в большое двухгодичное путешествие по Европе – путешествовала из спальни одного европейского бездельника в спальню другого. Год околачивалась на Ибисе. Затем вернулась в Америку, прожигала папочкины деньги, поддерживала экономику Колумбии, потребляя, наверное, половину ее национального ВВП.

Это было что-то новенькое. Во время развода пресса более или менее воздерживалась от интервью с дочерью. Даже «Пост» не хотела втягивать ребенка в такой развод. Но теперь Грейс была мертва, и Гарриман чувствовал, что его репортерский радар улавливает сигналы большой удачи.

– Вы хотите сказать, у нее были проблемы с наркотиками?

– Проблемы? Да она была наркоманкой!

– Просто пользовалась иногда или сидела на них?

– Дважды проходила реабилитацию в этом местечке для знаменитостей в Ранчо-Санта-Фе, как там оно называется? «Нехоженная дорога». – Она издала еще один издевательский смешок.

Мартини в ее стакане не осталось, и дворецкий принес еще порцию, хотя она и не просила, а пустой стакан забрал.

– А о каком наркотике вы говорите? О кокаине?

– Да обо всех сразу! И Озмиан позволял ей! Потакатель худшего сорта. Ужасный отец.

И тут Гарриман подошел к главному пункту дела:

– Не знаете ли вы, случайно, миз Озмиан, чего-нибудь такого из прошлого Грейс, что могло бы привести к ее убийству?

– Подобные девицы всегда плохо кончают. Я работала как каторжная на Украине, я переехала в Нью-Йорк, никогда никаких наркотиков, никакого алкоголя, ела здоровые салаты без приправ, работала по два часа в день, спала по десять часов по ночам...

– Она не могла совершить что-нибудь противозаконное, связанное с торговлей наркотиками или с организованной преступностью, из-за чего кто-то захотел ее убить?

– Что касается торговли наркотиками, я ничего не знаю. Но в ее прошлом было кое-что. Ужасное. – Она помедлила. – Наверно, мне не следует об этом говорить: Озмиан заставил меня подписать договор о конфиденциальности, включив его в условия по разделу имущества...

Ее голос смолк.

Гарриман почувствовал себя золотоискателем, чья кирка задела краешек золотой жилы. Теперь ему оставалось только покопаться вокруг и смахнуть пустую породу. Но он решил действовать осторожно; из собственного опыта он знал, что в подобных случаях молчание дает лучший результат, чем

наводящие вопросы. Люди чувствуют побуждение говорить в эту тишину. Он сделал вид, что просматривает свои записи, ожидая, когда две порции мартини сделают свое дело.

– А впрочем, я могу вам сказать. Теперь могу. Теперь, когда ее нет, тот договор утратил силу, вы так не считаете?

И снова он ответил молчанием. Брайс был достаточно умен, чтобы не отвечать на такие вопросы.

– Уже к концу нашего брака... – Изольда сделала глубокий вдох, – Грейс, пьяная и обкурившаяся, сбила восьмилетнего мальчика. Мальчик впал в кому. Две недели спустя он умер. Просто кошмар. Его родителям пришлось отключать его от системы жизнеобеспечения.

– О нет, – с искренним ужасом произнес Гарриман.

– О да.

– И что случилось потом?

– Папочка ее отмазал.

– Каким образом?

– Ловкий адвокат. Деньги.

– А где это случилось?

– В Беверли-Хиллс. Где же еще? Пришлось стереть все записи. – Она замолчала, допила свою вторую порцию и с видом победительницы стукнула стаканом о столешницу. – Но для нее все это уже не важно. Похоже, фортуна все-таки отвернулась от Грейс Озмиан.

Кабинет Говарда Лонгстрита в большом здании ФБР на Федерал-плаза был точно таким, каким Пендергаст его помнил: скупой украшенный, заставленный шкафами с книгами по всем мыслимым отраслям знаний – и без единого компьютера. Часы на стене сообщали каждому, кто интересовался, что сейчас без десяти пять. Благодаря двум потертым «ушастым» креслам и маленькому чайному столику на иранском ковре ручной работы кабинет больше походил на гостиную в старинном английском мужском клубе, чем на кабинет в здании правоохранительной службы.

Лонгстрит сидел в одном из «ушастых» кресел, а рядом на столике стоял на подносе неизменный «Арнольд Палмер»⁷. Пошевелившись своим большим телом, Лонгстрит провел рукой по длинным седым волосам, потом той же рукой молча указал Пендергасту на другое кресло.

Пендергаст сел. Лонгстрит глотнул своего любимого напитка и поставил стакан на поднос. Он намеренно не предложил стаканчик Пендергасту.

Молчание длилось и длилось, и наконец исполнительный заместитель директора заговорил.

– Агент Пендергаст, – произнес он монотонным голо-

⁷ «Арнольд Палмер» – освежающий напиток, охлажденный чай с лимонадом, названный в честь своего создателя, американского игрока в гольф.

сом. – Я хочу прямо сейчас услышать ваш доклад. Меня особенно интересует ваше мнение касательно того, были ли эти два убийства совершены одним лицом.

– Боюсь, я ничего не могу добавить к докладу по первому убийству, с которым вы уже знакомы.

– А по второму?

– Я им не занимался.

На лице Лонгстрита появилось недоуменное выражение.

– Не занимались? Почему, черт побери?

– Я не получал приказа расследовать его. Непохоже, что это федеральное дело, сэр, разве что эти два убийства связаны.

– Сукин сын, – пробормотал Лонгстрит, хмуро глядя на Пендергаста. – Но вам известно о втором убийстве.

– Да.

– И вы не думаете, что они связаны?

– Я предпочитаю не строить догадки.

– А вы постройте, черт побери! Мы имеем дело с одним убийцей или с двумя?

Пендергаст закинул ногу на ногу:

– Рассмотрим варианты. Первый: оба убийства совершил один и тот же киллер, после третьего его можно будет квалифицировать как серийного убийцу. Второй: убийца первой жертвы выкинул тело в гараж, а голова была отрезана не имеющим отношения к убийству человеком, который затем продолжил набивать руку обезглавливанием. Третий: второе

убийство было простой попыткой подражания первому. Четвертый: убийства совершенно не связаны между собой, два обезглавливания – это случайное совпадение. Пятый...

– Хватит! – прервал его Лонгстрит, повысив голос.

– Мои извинения, сэр.

Лонгстрит отхлебнул из стакана, поставил его на прежнее место и вздохнул:

– Слушайте, Пендергаст... Алоизий, я бы солгал вам, если бы сказал, что назначил вас расследовать то первое убийство не в качестве наказания за ваше самовольное поведение на острове Идиллия в прошлом месяце. Но я готов закопать боевой топор. Потому что, если говорить откровенно, мне нужны ваши необыкновенные таланты для расследования дела. Оно уже начинает разрастаться как снежный ком, и вы наверняка знаете об этом из газет.

Пендергаст не ответил.

– Нам очень важно найти связь между двумя убийствами, если она существует. Или же, напротив, доказать, что никакой связи нет. Если мы имеем дело с серийным убийцей, то это может стать началом чего-то воистину ужасного. А серийные убийцы – ваша специализация. Проблема вот в чем: несмотря на наше громогласное заявление по первому телу, которое якобы было привезено из Джерси и выгружено в Куинсе, у нас нет никаких доказательств того, что дело и вправду федеральное, а потому расследование следует вести весьма деликатно с точки зрения соблюдения протокола. Я

не могу официально подключить к расследованию кого-нибудь еще из наших агентов, пока нью-йоркская полиция не попросит об этом, а вы знаете, что ничего подобного не случится, пока речь не пойдет о терроризме. Поэтому мне нужно, чтобы вы поехали туда и внимательно, пристально взглянули на второе убийство. Если это дело рук начинающего серийного убийцы, я хочу быть в курсе. Если это два разных убийства, то мы можем отойти в сторону и пусть полиция Нью-Йорка сама все расхлебывает.

– Я вас понимаю, сэр.

– Может, хватит уже с этим вашим «сэром»?

– Хорошо.

– Я знаю капитана Синглтона, он парень надежный, но он не станет долго терпеть наше вмешательство, если не будет четкого федерального предписания. Еще я знаю, что у вас долгая история отношений с лейтенантом... как его?... Д'Агостой.

Пендергаст кивнул.

Лонгстрит посмотрел на него долгим оценивающим взглядом:

– Поезжайте на место второго убийства. Выясните, тот ли это человек или нет, и доложите мне.

– Хорошо.

Пендергаст начал было вставать, но Лонгстрит поднял руку, останавливая его:

– Я вижу, что вы не похожи на самого себя. Алоизий, мне

нужно, чтобы вы работали на сто процентов ваших способностей. Если вам что-то препятствует, я должен знать. Потому что в этих убийствах есть что-то... не знаю... странное для меня.

– В каком смысле?

– Не могу нащупать, но мое чутье редко меня подводит.

– Понятно. Не сомневайтесь, я сделаю все, что в моих силах.

Лонгстрит откинулся назад в кресле, небрежно махнув рукой. Пендергаст встал, бесстрастно кивнул, повернулся и вышел из кабинета.

Час спустя Пендергаст вернулся в свое жилище из трех смежных квартир в «Дакоте»⁸ с окнами, выходящими на Сентрал-Парк-Уэст и Западную Семьдесят вторую улицу. Несколько минут он беспокойно перемещался по многочисленным комнатам, брал в руки какой-нибудь предмет искусства, клал его на место, наливал себе стакан шерри, но забывал его на буфете. Странно, но в последние дни он не находил никакого удовольствия в тех вещах, которые раньше вызывали у него интерес и воодушевление. Встреча с Лонг-стритом в каком-то смысле выбила его из колеи, – точнее, не сама встреча, а прощупывающие и раздражающие замечания, которыми она закончилась.

«Я вижу, что вы не похожи на самого себя».

При этом воспоминании Пендергаст нахмурился. Из своего опыта занятий чонгг ран он знал, что именно те мысли, которые ты изо всех сил стараешься прогнать из головы, будут постоянно возвращаться к тебе. Лучший способ не думать о чем-то состоит в том, чтобы полностью принять это в себя, а потом выращивать безразличие к нему.

Перейдя из помещений, предназначенных для посетите-

⁸ «Дакота» – фешенебельный жилой дом на Манхэттене, на пересечении 72-й улицы и Сентрал-Парк-Уэст. С 1976 года национальный исторический памятник США.

лей, на свою личную половину, Пендергаст направился в кухню, где на языке жестов обсудил со своей глухонемой домработницей мисс Ишимура меню обеда на этот вечер. В конце концов их выбор пал на блины окономийаке из батата, свиную грудинку и осьминога.

Прошло три недели с того дня, как воспитанница Пендергаста Констанс в одночасье собралась и покинула их дом на Риверсайд-драйв, 891, – уехала в отдаленный монастырь в Индии, где воспитывался ее маленький сын. После ее отъезда Пендергаст впал в совершенно нехарактерное для него эмоциональное состояние. Но по мере того, как шли дни и недели, голоса, звучавшие в его голове, замолкали один за другим, и наконец остался всего один голос – тот, который находился в самой сердцевине его странного беспокойства.

«Ты можешь любить меня так, как я этого хочу? Как мне это нужно?»

Пендергаст с неожиданной яростью прогнал этот голос.

– Я справлюсь, – пробормотал он себе под нос.

Выйдя из кухни, он прошел по коридору в крошечную, аскетическую комнату без окон, немногим отличающуюся от монашеской кельи. Там стоял только простой деревянный стол, не покрытый лаком, и стул с прямой спинкой. Пендергаст сел, открыл единственный ящик стола, осторожно вытащил оттуда и положил на столешницу три предмета: записную книжку в твердом переплете, камею и расческу. Он посидел немного, разглядывая каждый из них по очереди.

«Я тебя люблю. Но ты ясно дал понять, что не отвечаешь мне любовью».

Записная книжка была изготовлена во Франции, под оранжевой обложкой из итальянской искусственной кожи скрывались пустые страницы веленовой писчей бумаги из Клерфонтена, идеальные для письма авторучкой. Исключительно такими записными книжками пользовалась Констанс в последние десять лет, с того времени как почтенный английский поставщик дневников в кожаных обложках оставил бизнес. Пендергаст нашел эту книжку в одной из ее личных комнат в нижнем подвале особняка: это был один из ее последних дневников, оставшийся незаконченным из-за ее неожиданного отъезда в Индию.

Пендергаст еще не открывал его.

Затем он взял старинную расческу из панциря черепахи и старую изящную камею в обрамлении желтого восемнадцатикаратного золота. Камея, насколько ему было известно, была изготовлена из ценного сардоникса *Cassia madagascariensis* – раковины морского моллюска семейства шлемовидки.

Оба предмета входили в число самых любимых вещей Констанс.

«Зная то, что я знаю, сказав то, что я сказала... Продолжение жизни под этой крышей будет для меня невыносимо».

Пендергаст взял эти три предмета и вышел из комнаты. Пройдя по коридору, он открыл невзрачную дверь, которая

вела в третью, самую тайную из его квартир. За дверью находилась маленькая комната, в противоположной стене которой была не дверь, а сёдзи – сдвижная перегородка из дерева и рисовой бумаги. А за сёдзи, скрытый в глубине массивных стен старого красивого многоквартирного дома, раскинулся чайный сад, воссозданный Пендергастом точно по имевшимся описаниям.

Он медленно задвинул за собой перегородку и остановился, прислушиваясь к тихому воркованию голубей и вдыхая запах эвкалиптов и сандалового дерева. Всё здесь: петляющая между растениями дорожка, вымощенная плоскими камнями, карликовые сосны, водопад, чайный домик, почти невидимый в зарослях зелени впереди, – все было покрыто пятнами неяркого отраженного света.

Наконец Пендергаст зашагал по дорожке мимо каменных фонарей к тясицу – чайному домику. Пригнувшись, он вошел в тесное пространство тясицу. Закрыв за собой садоугути (дверь) чайного домика, он осторожно положил три предмета, которые принес сюда, и огляделся, чтобы убедиться, что все необходимое для чайной церемонии – мидзусаси⁹, венчики, черпаки, жаровня, металлический чайник кама – на месте. Он поставил чашу для чая и контейнер с зеленым порошковым чаем маття на нужные места, потом уселся на коврик татами. На последующие тридцать минут он полно-

⁹ *Мидзусаси* – сосуд для свежей воды, которая используется во время чайной церемонии.

стью погрузился в церемонию: исполнил ритуал очищения различной утвари, вскипятил воду, подогрел чайную чашу тьяван и наконец, зачерпнув горячую воду и вылив ее в чашу, насыпал надлежащую пропорцию маття. Только тогда, после всех окончательных приготовлений, выполненных чуть ли не с благоговейной точностью, он попробовал чай, отпивая его крошечными глотками. При этом он позволил себе – в первый раз почти за целый месяц – в полной мере ощутить скорбь и вину, которые полностью завладели его сознанием, а затем медленно отступили.

Когда к нему вернулось спокойствие, Пендергаст осторожно и сосредоточенно прошел последние шаги церемонии, повторно очистив утварь и возвратив ее на надлежащие места. Теперь он снова посмотрел на три предмета, которые принес с собой. Немного помедлив, он взял записную книжку, открыл ее наугад в первый раз и позволил себе прочесть один абзац. Сквозь написанные Констанс слова мгновенно проступила ее личность: ее язвительный тон, холодный ум, ее немного циничный, немного жуткий взгляд на мир – и все это пропущенное через систему представлений девятнадцатого века.

Для него стало большим облегчением то, что он мог теперь читать этот дневник с некоторой степенью отстраненности.

Пендергаст положил дневник рядом с расческой и камеей: простые голые стены и пол чайного домика представлялись

ему наилучшим местом для этих вещей, и, возможно, в не столь отдаленном будущем он вернется сюда созерцать их и их хозяйку. Но сейчас его ждали другие дела.

Он покинул тясицу, прошел по дорожке, вышел из сада и быстрым уверенным шагом направился по длинному ряду коридоров к входной двери в апартаменты. На ходу он вытащил из кармана пиджака телефон и в одно нажатие набрал номер:

– Винсент? Будьте добры, приезжайте в дом Кантуччи. Я готов к той прогулке, о которой вы говорили.

Убрав телефон в карман, он надел пальто из викунии и вышел из квартиры.

Д'Агоста вовсе не был в восторге оттого, что ему пришлось вернуться на место преступления практически посреди ночи, пусть даже ради встречи с Пендергастом, который наконец-то соизволил осмотреть это место. Сержант Карри впустил лейтенанта в дом, а мгновение спустя д'Агоста увидел огромный винтажный «роллс» Пендергаста – машина с Проктором за рулем подъехала к бортовому камню. Специальный агент вышел из машины и проскользнул мимо Карри.

– Добрый вечер, мой дорогой Винсент.

Они двинулись по коридору.

– Видите все эти камеры наблюдения? – спросил д'Агоста. – Преступник хакнул систему безопасности, обошел все защиты.

– Я хотел бы увидеть доклад.

– У меня для вас все собрано, – сказал д'Агоста. – Судебная экспертиза, волосы, волокна, отпечатки – что угодно. Сержант Карри даст вам материалы на выходе.

– Отлично.

– Проникновение произошло через входную дверь, – продолжил д'Агоста. – Преступник взломал систему сигнализации, и она сама его впустила. Он много перемещался по дому. Вот как развивались события, насколько мы понимаем. Похоже, что, когда убийца вошел, Кантуччи проснулся. Мы

думаем, что Кантуччи подошел к монитору и увидел убийцу внизу. Он надел халат, взял свой пистолет – «беретту» калибра девять миллиметров. Предположив, что преступник поднимается вверх в лифте, он произвел несколько выстрелов через дверь, когда кабина поднялась на его этаж, но обнаружил, что убийца обманул его, отправив вверх пустую кабину. Тогда Кантуччи, вероятно, вернулся к монитору, а затем спустился на третий этаж, где преступник возился с сейфом, в котором лежит скрипка Страдивари. И тут Кантуччи попал в засаду и был убит тремя стрелами, выпущенными из лука одна за другой прямо ему в сердце. Потом преступник обезглавил его, практически в тот момент, когда сердце перестало биться, если верить патологоанатому.

– Процесс, наверное, был довольно кровавым.

Не вполне поняв, что хотел сказать Пендергаст, д'Агоста пропустил его слова мимо ушей.

– Потом преступник поднялся на чердак, где расположен сейф, в котором находится система сигнализации, открыл его с помощью украденного кода, достал жесткие диски и ушел. Он покинул дом через ту же дверь, через которую вошел. Наш специалист утверждает, что проделать все это мог только служащий охранный компании, настоящий или бывший. Все это вы найдете в докладе.

– Отлично. Давайте тогда начнем. Этаж за этажом, все комнаты на каждом этаже, даже если в них ничего не происходило.

Д'Агоста провел Пендергаста через кухню и гостиную, открывая по его просьбе все двери. Потом они поднялись по лестнице на второй этаж, обошли его, то же самое проделали на третьем. На этом этаже и происходило почти все действие. В задней части узкого таунхауса находились две комнаты, а спереди – одна большая гостиная.

– Убийство произошло в дверях музыкальной комнаты, – сказал д'Агоста, показывая на стену, к которой стрелы пригвоздили убитого.

На стенной панели виднелись следы широкого потока крови, начинающиеся от трех отметин-расщепов; на ковре у стены тоже осталось огромное пятно засохшей крови. Здесь Пендергаст остановился, опустился на колени. Используя фонарик-авторучку, он принялся разглядывать следы, время от времени доставая из кармана пиджака маленькую пробирку, укладывая в нее что-то с помощью пинцета и закрывая пробкой. Потом он вставил лупу в глазницу и принялся изучать ковер и следы от стрел в панели. Д'Агоста не стал напоминать ему, что криминалисты уже прочесали здесь все до последнего дюйма, – он был свидетелем того, как Пендергаст находил улики даже в тех местах, которые были исследованы самым доскональным образом.

Закончив с тем местом, где непосредственно произошло убийство, Пендергаст все так же молча, медленно и с мучительной тщательностью осмотрел всю музыкальную комнату, сейф и две другие комнаты на этом этаже таунхауса. По-

сле чего они поднялись на верхние этажи, затем на чердак. Там Пендергаст опять опустился на четвереньки в пыли перед сейфом и внутри его, отбирая в свои пробирки все новые и новые пробы.

Он выпрямился, насколько это позволял низкий чердачный потолок.

– Занятно, – пробормотал он, – весьма занятно.

Д’Агоста понятия не имел, что такого занятого увидел здесь Пендергаст, но знал, что спрашивать бесполезно, ответа все равно не получишь.

– Как я уже говорил, это должен быть кто-то из «Шарпс энд Гунд». Преступник точно знал, как работает система. «Точно знал» – это не пустые слова.

– Отличная ниточка, за которую можно начать тянуть. Кстати... касательно другого убийства. У вас есть еще какие-нибудь новости по делу о дочери?

– Да. Нам удалось получить копии нескольких засекреченных документов из полицейского отделения Беверли-Хиллс. Около восемнадцати месяцев назад Грейс Озмиан убила мальчика, находясь за рулем в нетрезвом состоянии. Сбила его и скрылась. Озмиан отмазал ее с помощью совершенно казуистических юридических уверток. Семье мальчика пришлось нелегко – они получали угрозы.

– Еще одна очевидная ниточка.

– Конечно. Мать мальчика покончила с собой. Отец вроде бы уехал на восток. Мы пытаемся его найти, чтобы погово-

ритель.

– Вы считаете его подозреваемым?

– У него была сильная мотивация.

– Когда он уехал на восток?

– Месяцев шесть назад. Мы утаиваем эту информацию по очевидным причинам, пока он не будет обнаружен.

Они вернулись на первый этаж, и Пендергаст обратился к Карри и небольшой группе полицейских, стоявших рядом с ним:

– Я бы хотел посмотреть эти документы прямо сейчас, если не возражаете.

Карри достал из портфеля папку-гармошку и протянул Пендергасту. Агент мгновенно уселся на стул, открыл папку и принялся листать, вытаскивая документы, просматривая их, потом быстро возвращая на место.

Д'Агоста украдкой взглянул на часы. Десять минут первого.

– Мм, – сказал он. – Документов тут много. Может, вы хотите взять папку домой? Она вся ваша.

Пендергаст поднял голову, в его серебристых глазах загорелись недовольные искорки.

– Прежде чем я уеду, я бы хотел убедиться, что ничего не упустил.

– Хорошо, хорошо.

Д'Агоста погрузился в молчание, а Пендергаст продолжил листать документы. Все ждали с возрастающим нетерпением.

ем, пока минуты шли одна за другой.

Внезапно Пендергаст поднял голову:

– А где сотовый телефон мистера Кантуччи?

– В отчете говорится, что его не нашли. Звонки на него уходят в голосовую почту. Телефон выключен. Мы не знаем, куда он делся, этот чертов телефон.

– Он должен был лежать на прикроватном столике, рядом с зарядным устройством.

– Наверное, Кантуччи забыл его где-нибудь.

– Вы обыскивали его офис?

– Да.

– Наш мистер Кантуччи дважды был предметом рассматривания большого жюри, раз десять полиция получала ордер на обыск в доме, я уже не говорю о многочисленных угрозах убить его. Он бы никогда не выпустил свой сотовый телефон из вида. Никогда.

– Ладно. И что вы хотите этим сказать?

– Убийца забрал его телефон. Забрал до убийства.

– С чего вы взяли?

– Убийца поднялся наверх, взял его телефон с прикроватного столика, пока Кантуччи спал, а потом вернулся на первый этаж.

– Нелепица какая-то. Если он это сделал, то почему не убил Кантуччи прямо там, пока тот спал?

– Превосходный вопрос.

– Может быть, он забрал телефон у мертвого Кантуччи?

– Невозможно. Как только мистер Кантуччи понял, что в дом кто-то проник, он сразу же набрал бы «девять-один-один». Отсюда неизбежен вывод о том, что при нем не было сотового, когда он проснулся и начал преследовать убийцу.

Д’Агоста покачал головой.

– Есть еще одна нерешенная загадка, Винсент.

– Какая?

– Почему убийца потратил столько усилий на то, чтобы вывести из строя систему сигнализации, но оставил работать камеры наблюдения?

– Это легкий вопрос, – ответил д’Агоста. – С помощью камер преступник наблюдал за перемещениями жертвы – знал, где в доме находится Кантуччи.

– Но, изымая у жертвы телефон, он и без того знал, где находится Кантуччи: спит в кровати.

Получалось, что Пендергаст прав в своем безумном предположении, будто убийца взял сотовый и вернулся на первый этаж, не убив Кантуччи на месте.

– Прошу прощения, но я с этим не согласен, – возразил д’Агоста.

– Подумайте, что сделал наш мистер Кантуччи, когда проснулся. Он не позвонил в «девять-один-один», потому что не смог найти свой сотовый. Он понял, что система сигнализации отключена, но камеры работают. Он немедленно достал пистолет и использовал камеры наблюдения, чтобы обнаружить преступника. Нашел его и увидел, что тот воору-

жен охотничьим луком. А у нашего мистера Кантуччи был пистолет с магазином на пятнадцать патронов, и к тому же он был отличным стрелком. Из ваших документов следует, что он нередко выигрывал соревнования по стрельбе из пистолета. Кантуччи решил, что его пистолет и мастерство намного превосходят охотничий лук незваного гостя. Это побудило его начать охоту самому, и я утверждаю, что убийца хотел именно такого развития событий. Это была ловушка. Жертву застали врасплох и убили.

– Откуда вы все это знаете?

– Мой дорогой Винсент, убийство не могло произойти никаким иным способом! Весь сценарий был тщательно проработан человеком, который на протяжении всего времени действовал спокойно, методично и без спешки. Это не профессиональный киллер. Это кто-то гораздо более изощренный.

Д’Агоста пожал плечами. Если Пендергаст хочет идти окольными путями, что ж, это его право – ему не впервой.

– Позвольте спросить еще раз: если справедливо ваше предположение насчет сотового телефона, то почему просто не убить этого парня в его постели?

– Потому что цель преступника состояла не в том, чтобы просто убить.

– Тогда в чем?

– А это, мой дорогой Винсент, и есть тот самый вопрос, на который мы должны ответить.

В шесть часов утра Антон Озмиан завтракал в своем кабинете: кружка органического чая пуэр, яичница из белков двух уток породы индийский бегун и кусочек горького сто-процентного шоколада весом в одну унцию. Меню завтрака оставалось неизменным вот уже десять лет. В течение рабочего дня Озмиану приходилось принимать много нелегких деловых решений, и для компенсации он так организовал свою жизнь, чтобы в ней необходимость принятия решений сводилась к минимуму – начиная с завтрака.

Он ел в одиночестве в своем кабинете, окна которого выходили на Гудзон, чья водная гладь в красноватом предутреннем свете напоминала полотно из жидкой стали. Раздался негромкий стук в дверь, помощник вошел с пачкой утренних газет, положил их на гранитный стол и беззвучно исчез. Озмиан перебрал газеты, просматривая заголовки в обычном порядке: «Уолл-стрит джорнал», «Файнэншл таймс», «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк пост».

«Пост» был последним в его списке, и он читал эту газету не ради новостей, а из антропологического интереса. Когда его глаза остановились на первой странице и ее обычном заголовке, набранном крупным шрифтом, Озмиан замер.

УБИЙСТВО НА ДОРОГЕ

Пьяная дочь Озмиана в прошлом сбила человека и

сбежала

Автор Брайс Гарриман

Грейс Озмиан, недавно убитая и обезглавленная дочь интернет-магната Антона Озмиана, на своем «БМВ Х6 Тайфун» в июне прошлого года сбила в Беверли-Хиллс восьмилетнего мальчика. Она сбежала с места происшествия, оставив мальчика умирать на улице. Свидетель записал номер машины, и местная полиция остановила и арестовала ее в двух милях от места, где был сбит мальчик. Анализ крови показал содержание алкоголя в крови в количестве 0,16 промилле, что в два раза больше разрешенного.

Ее отец, миллиардер и генеральный директор фирмы «ДиджиФлад», нанял для защиты дочери команду адвокатов в одной из самых дорогих адвокатских фирм Лос-Анджелеса «Кросби, Уилан энд Пул». Грейс Озмиан была приговорена всего к ста часам общественных работ, а данные по делу засекретили. Ее общественная работа состояла в намазывании масла на тосты и подаче блинчиков в приюте для бездомных Лос-Анджелеса два раза в неделю по утрам...

Руки Озмиана стали дрожать, когда он начал читать, и дрожали до последнего слова. Вскоре дрожь усилилась настолько, что ему пришлось положить газету на стол, чтобы закончить чтение. Прочитав статью, он поднялся и, закричав от ярости, схватил стеклянную кружку с чаем и швырнул ее через весь кабинет прямо в картину Джаспера Джонса, изображающую американский флаг. Стакан разбился, прорезал

холст и оставил на нем коричневые брызги.

В дверь тут же торопливо постучали.

– Не лезь ко мне! – прокричал Озмиан.

Оглядевшись вокруг, он схватил двухфунтовый железоникелевый метеорит и швырнул его в полотно Джонса, и космический бродяга разорвал картину на две части и сбросил со стены. Наконец Озмиан вцепился в маленькую бронзовую скульптуру Бранкузи и нанес пострадавшей картине, лежащей теперь на полу, еще несколько кромсающих ударов, завершив ее уничтожение.

Он остановился, тяжело дыша, и уронил Бранкузи на пол. Уничтожение картины, которая обошлась ему в двадцать один миллион долларов на аукционе «Кристи», имело положительный эффект в том смысле, что помогло ему справиться со вспышкой ярости. Озмиан стоял неподвижно, контролируя дыхание и дожидаясь, когда уровень адреналина понизится и сердечный ритм вернется к норме. Почувствовав, что вновь обрел психологически устойчивое состояние, он вернулся к гранитному столу и снова занялся статьей в «Пост». При первом чтении он упустил одну существенную деталь – фамилию автора.

Теперь он ее нашел: Брайс Гарриман. *Брайс Гарриман.*

Озмиан нажал кнопку интеркома:

– Джойс, я хочу немедленно видеть Изабель у себя в кабинете.

Он подошел к картине и посмотрел на нее. Невосполни-

мая потеря. Двадцать один миллион долларов, и, конечно, никто никакой страховки ему не выплатит, ведь он сам растерзал картину. Но процесс ее уничтожения принес Озмиану странное удовлетворение. Все эти миллионы долларов ничуть не утихомирили океан его гнева. Брайс Гарриман очень скоро поймет, насколько глубок этот океан, потому что, если возникнет такая нужда, он, Озмиан, утопит в нем этого ублюдка.

Будучи при исполнении служебных обязанностей, д'Агоста категорически отказался ехать в «роллс-ройсе» Пендергаста – как это будет выглядеть? – и в результате специальный агент, молчаливый и недовольный, поехал с ним на служебной машине. Д'Агоста довольно длительное время не сотрудничал с Пендергастом так тесно и забыл, каким геморроем бывает этот агент ФБР.

Пока сержант Карри вез их по Лонг-Айлендской скоростной автомагистрали, д'Агоста развернул номер «Пост», купленный сегодня утром, и снова взглянул на кричащий заголовок. Синглтон отчитал его сегодня утром за то, что он не поговорил с Изольдой Озмиан прежде Гарримана и не предостерег ее от разговоров с прессой. Статейка была выстроена весьма умело, для того чтобы привлечь внимание публики, повысить уровень истерии и обеспечить Гарриману в будущем постоянный поток «эксклюзивных» историй. Утром она погрузила д'Агосту в свирепое настроение, которое с течением времени только ухудшалось. Он убеждал себя, что ничего не может с этим поделать, что должен двигаться дальше и как можно быстрее размотать дело. Его люди уже отыскали отца погибшего мальчика: он обосновался в Пирмонте, штат Нью-Йорк, и работал там барменом. После того как они закончат беседу на Лонг-Айленде, Пирмонт станет следую-

щим пунктом назначения д'Агосты.

Когда они подъехали к полупустому моллу в Джерико, где находился офис компании «Шарпс энд Гунд», д'Агоста удивился тому, что столь серьезное предприятие, специализирующееся на охранным бизнесе, имеет штаб-квартиру в подобном месте. Судя по всему, на этом участке в дальнем конце молла прежде размещался самый привлекательный магазин торгового центра, и на опустевшей наружной стене можно было даже разглядеть полустертую надпись «Сирс». Ничто не свидетельствовало о том, что это пространство вообще занято, кроме ряда машин – очень неплохих машин – на зарезервированной парковке. Похоже, компания «Шарпс энд Гунд» не просто не стремилась привлекать к себе внимание, а старалась быть практически невидимой.

Сержант Карри припарковался на месте для гостей, и они выбрались из машины. День стоял холодный, серый, и, пока они шли к двойным стеклянным дверям, резкий ветер гонял перед ними по тротуару старый пластиковый пакет. Здесь наконец обнаружился небольшой логотип «Шарпс энд Гунд». Скромный, но сделанный со вкусом.

Двери не были заперты. Д'Агоста прошел внутрь, Пендергаст и Карри последовали за ним и оказались в элегантном строгом холле, отделанном полированной древесиной твердых пород. За приемной стойкой длиной в двадцать футов сидели три секретаря, которые ничего не делали, а просто ждали, сложив руки.

– Нью-йоркская полиция и ФБР к Джонатану Ингмару, – сказал д’Агоста, наклоняясь над стойкой и показывая свой жетон. – У нас назначена встреча.

– Конечно, джентльмены, – откликнулась одна из секретарей. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Д’Агоста остался стоять, Пендергаст и Карри тоже. Они ждали у стойки, пока секретарь разговаривала по телефону.

– Сейчас кто-нибудь выйдет, – сказала она с ярко-красной помадной улыбкой. – Всего через несколько минут.

Услышав это, Пендергаст направился в зону ожидания, сел, положив ногу на ногу, взял журнал и принялся листать. Его невозмутимость почему-то вызвала у д’Агосты раздражение. Он немного потоптался у стойки, потом все-таки пошел и сел напротив агента:

– Пожалуй, он еще заставит нас ждать.

– Именно это он и сделает. Мой прогноз – минимум тридцать минут.

– Чушь собачья. В таком случае я просто пойду туда.

– Вы не пройдете через баррикады запертых дверей и натасканных, как питбули, помощников.

– Тогда мы пришлем ему повестку, и он как миленький притащится к нам давать показания.

– У таких людей, как исполнительный директор «Шарпс энд Гунд», есть адвокаты, которые будут максимально тянуть резину и ставить вам препоны.

Пендергаст перевернул еще одну страницу единственного

журнала в зоне ожидания. Д'Агоста отметил, что это «Пипл» и что внимание агента привлекла статья о Кардашьянах.

Д'Агоста вздохнул, свернул номер «Пост» и засунул в карман, скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла. Сержант Карри остался стоять с непроницаемым лицом.

Прошло не полчаса, а добрых сорок пять минут. Наконец за ними явился невысокий тощий человек с бородкой, в хипстерской шляпе и черной шелковой рубашке. Они проследовали сквозь череду еще более элегантных строгих кабинетов, прежде чем предстали перед Джонатаном Ингмаром. В его белом, почти пустом кабинете не было никаких электронных приборов, если не считать старомодного телефона на столе площадью с добрый гектар. Ингмар оказался худощавым человеком лет пятидесяти, с мальчишеским лицом и копной непокорных светлых волос. У него на лице было написано оскорбительно веселое выражение.

К этому времени д'Агоста был уже на грани безумия и прикладывал серьезные усилия, чтобы не сорваться. Его бесило, что столь длительное ожидание ничуть не взволновало и не озаботило Пендергаста.

– Мои извинения, джентльмены, – сказал исполнительный директор «Шарпс энд Гунд», помахав идеально наманикюренной рукой, – но день выдался напряженный. – Он посмотрел на часы. – Могу уделить вам пять минут.

Д'Агоста включил портативный диктофон, поставил его на стол, потом достал блокнот и раскрыл его:

– Нам нужен список всех бывших и нынешних работников, которые работали с Кантуччи или имели доступ к его аппаратуре.

– К сожалению, лейтенант, наши персональные сведения конфиденциальны.

– Тогда мы получим судебный ордер.

Ингмар развел руками:

– Если вы сможете получить такой ордер, мы, естественно, подчинимся закону.

– Послушайте, мистер Ингмар, очевидно, что убийство Кантуччи – дело рук кого-то из своих, оно спланировано и осуществлено человеком, который работал на вашу компанию и имел доступ к вашему программному коду. Мы будем очень недовольны, если вы станете препятствовать следствию.

– Это чистые домыслы, лейтенант. У меня тут строжайшая дисциплина. Мои работники проходят такую же проверку, как рекруты ЦРУ, если не более серьезную. Могу вас заверить, что вы идете по ложному следу. Вы, конечно, понимаете, что компания, занимающаяся вопросами безопасности, должна быть осторожной относительно информации о своих служащих?

Д’Агосте очень не понравился тон этого человека.

– Значит, не хотите по-доброму, Ингмар? Если вы не начнете сотрудничать с нами прямо сейчас, мы получим судебный ордер и затребуем анкетные данные ваших работников

со времен Джорджа Вашингтона – и вам придется таскать вашу задницу на допросы в Уан-Полис-Плаза.

Он замолчал, тяжело дыша. Ингмар посмотрел на него ледяным взглядом:

– Милости прошу. Ваши пять минут истекли, джентльмены. Мистер Блаунт проводит вас.

Снова появился энергичный хипстер, но тут Пендергаст, который до тех пор не произнес ни слова и не выказывал никакого интереса к разговору, неожиданно обратился к д’Агосте:

– Вы позволите взглянуть на этот номер «Пост»?

д’Агоста передал ему газету, недоумевая, зачем она понадобилась Пендергасту. Агент ФБР развернул газету перед Ингмаром и поднес к его лицу:

– Вы, конечно, читали сегодняшний номер «Пост»?

Ингмар с отвращением схватил газету, посмотрел на нее и отшвырнул в сторону.

– Но вы не прочли статью Брайса Гарримана на первой странице!

– Меня это не интересует. Блаунт, проводите их.

– А вам следовало бы поинтересоваться, потому что завтра на первой странице будет статья про вашу компанию и про вас.

Наступила гробовая тишина. Через несколько секунд Ингмар заговорил:

– Вы угрожаете сливом информации в прессу?

– Сливом? Вовсе нет. В данном случае правильное слово – «информирование». Публика требует информации об убийстве Кантуччи. Мэр Делилло озабочен. Правоохранительные службы обязаны держать общество в курсе того, как продвигается расследование. Вы и ваша компания будете показательным примером нашего продвижения.

– Что вы имеете в виду?

– Согласно основной версии следствия, убийца работал в вашей компании. В *вашей* компании. Таким образом, вы сами становитесь заинтересованным лицом. Вам нравится выражение «заинтересованное лицо»? Оно так богато скрытыми смыслами, содержит столько неясных намеков, ничего на самом деле не утверждая.

К удовлетворению д'Агосты, лицо Джонатана Ингмара изменилось весьма примечательно: надменная самоуверенность исчезла под набухшими венами и покрасневшей кожей.

– Это чистейшая клевета. Я вас засужу – пожалеете, что на свет родились.

– Это было бы клеветой, если бы не было правдой. А это правда: в данном деле вы действительно заинтересованное лицо, особенно после вашего дерзкого отказа сотрудничать с нами. Я уже не говорю о том, что вы заставили нас прождать в холле сорок пять минут в компании с Кардашьянами.

– Вы мне угрожаете?

Пендергаст издал пренебрежительный смешок:

– И как это вы сообразили?

– Я вызываю моего адвоката.

Но прежде, чем Ингмар сделал что-нибудь, Пендергаст достал сотовый и набрал номер:

– Отдел городских новостей? Пожалуйста, свяжите меня с мистером Гарриманом.

– Постойте! Хватит. Отключите телефон.

Пендергаст нажал кнопку на телефоне:

– А теперь, мистер Ингмар, не могли бы вы уделить нам еще несколько минут, а может быть, и часов вашего драгоценного времени? Давайте начнем с тех, кто устанавливал систему у Кантуччи. Я очень рад, что процесс отбора служащих в вашей компании сравним с ЦРУ. Пожалуйста, принесите досье на этих людей. Кстати, ваше досье нам тоже понадобится.

– Я подниму страшный шум. Помяните мои слова.

Тут заговорил д'Агоста. Его мрачное настроение начало улетучиваться.

– Посмотрим, Ингмар, посмотрим. Как вы только что сказали? «Милости прошу»? Спасибо, вы очень любезны. Так что несите эти досье, и побыстрее.

Карри высадил Пендергаста у «Дакоты» (агент ФБР привел какие-то туманные объяснения, почему он не может поехать с ними в Пирмонт, на разговор с отцом погибшего мальчика), а сам с д'Агостой поехал по Вест-Сайд-хайвею, через мост Джорджа Вашингтона и дальше по Палисейд-паркуэй. Городок Пирмонт, штат Нью-Йорк, располагался возле магистрали 9W на западном берегу Гудзона, неподалеку от границы с Нью-Джерси. Карри был самым неразговорчивым из сержантов, за что д'Агоста был ему благодарен. Пока Карри вел машину, д'Агоста просмотрел досье, которые они скопировали в «Шарпс энд Гунд».

Систему в доме Кантуччи устанавливали два техника. Один все еще работал в компании и казался совершенно чистым; другой уволился четырьмя месяцами ранее. Вернее, его уволили. Фамилия его была Лэшер, и, когда он поступил в компанию пять лет назад, его анкета была чиста, но в последний год он, похоже, покатился под гору. В досье было множество предупреждений за опоздания, за несколько некорректных политических высказываний и за два неприличных замечания, обращенных к коллегам-женщинам, о чем они сами и сообщили начальству. Заканчивалось досье описанием инцидента с Лэшером, подробности не указывались, упоминалась только какая-то «яростная тирада», что и

привело к его немедленному увольнению.

Пока Карри прокладывал путь через заторы на дорогах, настроение у д'Агосты, который сидел, откинувшись на спинку сиденья, улучшалось все больше. Этот тип, Лэшер, очень подходил на роль главного подозреваемого в убийстве Кантуччи. Недовольный жизнью мерзавец вполне мог отомстить выгнавшей его компании. Возможно, Лэшер сам убил Кантуччи, а может, стал сообщником убийцы, продав свои инсайдерские знания. В любом случае это была чертовски хорошая ниточка, и надо постараться допросить этого типа как можно скорее.

Теперь д'Агоста более, чем когда-либо, был убежден, что два произошедших убийства никак не связаны и расследовать их нужно по отдельности. И вот вам доказательство: следствие в двух этих случаях шло совершенно разными путями. Отец погибшего мальчика Джори Бо, к которому они сейчас ехали, явно был заинтересован в убийстве Озмиан. Для д'Агосты это может стать двойной победой – раскрытие двух крупных дел одновременно. Если он и после этого не получит повышения, то не получит его никогда.

Он повернулся к Карри:

– Давай-ка я введу тебя в курс дела по этому парню в Пирмонте – Бо. Погибший мальчик был его единственным ребенком. Грейс Озмиан, совершившая наезд и сбежавшая с места происшествия, и есть та самая жертва, смерть которой мы расследуем. Тот случай практически сошел ей с рук.

После смерти мальчика семья распалась. Мать стала алкоголичкой и в конечном счете покончила с собой. Отец какое-то время провел в клинике для душевнобольных и потерял свой ландшафтный бизнес в Беверли-Хиллс. Полгода назад он переехал на восток. Работает в баре.

– Почему на восток? – спросил Карри. – У него здесь семья?

– Мне об этом не известно.

Карри еще раз кивнул. Это был крупный парень с круглой головой и коротко стриженными рыжеватыми волосами. Выглядел он не очень умным, да и говорить был не мастак, но д'Агоста в конечном счете пришел к выводу, что сержант умен, чертовски умен. Просто он не открывал рта, когда ему нечего было сказать.

Они съехали с Палисейд-паркуэй на магистраль 9W и направились на север. До часа пик было еще далеко, и уже через несколько минут они добрались до Пирмонта. Это был очаровательный городок на Гудзоне, с пристанью вдоль гигантской дамбы, которая и дала городу имя¹⁰, с прелестными деревянными домами, разместившимися на холмах над рекой, и с великолепным видом на мост Таппан-Жи. Д'Агоста вытащил сотовый и вызвал «Гугл-карты».

– Бар называется «Источник». Нам нужно на Пирмонт-авеню.

Он указал Карри направление, и вскоре они подъехали к

¹⁰ По-английски дамба – pier.

привлекательному на вид питейному заведению, вышли из машины и двинулись ко входу, сгибаясь под порывами буйного ветра с Гудзона. В четверть пятого бар почти пустовал, за стойкой скучал бармен – крупный человек с телосложением портового грузчика, в майке без рукавов, с мощными руками в татуировках.

Д’Агоста подошел к бару, вытащил свой полицейский жетон и положил на стойку:

– Лейтенант д’Агоста, отдел по расследованию убийств нью-йоркской полиции. Это сержант Карри. Мы ищем Джо-ри Бо.

Крупный человек уставился на них холодными голубыми глазами:

– Вы его нашли.

Д’Агоста удивился, но не подал виду. Ему удалось скачать из Интернета пару нечетких изображений Бо, однако они не имели ничего общего с накачанным ублюдком, которого он видел перед собой. У парня было совершенно непроницаемое лицо.

– Позвольте задать вам несколько вопросов, мистер Бо.

– О чем?

– Мы расследуем убийство Грейс Озмиан.

Бо положил полотенце, скрестил массивные руки на груди и прислонился к бару:

– Валяйте.

– Я хочу, чтобы вы понимали: в настоящее время вы не

являетесь подозреваемым и ваше участие в этом разговоре – дело вашей доброй воли. Если вы станете подозреваемым, мы остановим разговор, разъясним вам ваши права и предоставим возможность обратиться к адвокату. Это вам понятно?

Бо кивнул.

– Вы не припомните, чем занимались в среду четырнадцатого декабря?

Человек залез под стойку, вытащил календарь, посмотрел на него:

– Я работал здесь, в баре, с трех до полуночи. По утрам с восьми до десяти я хожу в спортзал. В промежутке я дома. – Он сунул календарь назад. – Порядок?

– Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

– В спортзале. И в баре. А в промежутке – никто.

Патологоанатом указал время смерти около десяти часов вечера 14 декабря, плюс-минус четыре часа. Приехать отсюда в Нью-Йорк, убить кого-то, дать жертве время истечь кровью, переместить тело в гараж в Куинсе, а день спустя, возможно, вернуться и отрезать голову... Придется расписать это на бумаге.

– Вы удовлетворены? – спросил Бо, и в его голосе послышались агрессивные нотки.

Д'Агоста посмотрел на него. Он почувствовал, что стоящий перед ним человек закипает от ярости. Мышца на одной из его скрещенных рук начала подергиваться.

– Мистер Бо, почему вы переехали на восток? У вас здесь, в Пирмонте, друзья или родня?

Бо наклонился над стойкой и приблизил лицо к д'Агосте:

– Я бросил дротик в долбаную карту Соединенных Штатов.

– И дротик попал в Пирмонт?

– Да.

– Забавно, что дротик попал очень близко к тому месту, где проживала убийца вашего сына.

– Послушайте, приятель... вы сказали, ваше имя д'Агоста, верно?

– Верно.

– Послушайте, полицейский д'Агоста. Я больше года представлял себе, как убиваю эту богатую суку, которая сбила моего сына и оставила его истекать кровью посреди улицы. О да. Я хотел убить ее столькими разными способами, вам и не перечесать: сжечь ее на костре, искромсать на куски ножом, переломать ей все кости бейсбольной битой. Так что да, вы правы, забавно, как близко к ней попал в карту дротик. Если вы думаете, что ее убил я, вам повезло. Арестуйте меня и закончите работу, которую все вы – копы, адвокаты и судьи – начали в прошлом году. Работу по уничтожению моей семьи.

Эта маленькая речь была произнесена тихим угрожающим голосом без малейших следов сарказма. Д'Агоста спросил себя, не пересек ли этот парень грань между подозрева-

емым и обвиняемым, и решил, что пересек.

– Мистер Бо, теперь я хочу сообщить вам о ваших правах. Вы имеете право молчать и отказываться отвечать на вопросы, а любые ваши слова могут быть обращены против вас в суде. Вы имеете право пригласить адвоката и можете вызвать такового немедленно, прежде чем мы начнем допрашивать вас дальше. Если вы решите продолжать отвечать на наши вопросы, то можете прекратить это делать в любую минуту и пригласить адвоката. Если адвокат вам не по средствам, то таковой будет вам предоставлен. Скажите, мистер Бо, вы понимаете ваши права, разъясненные мной?

И тут Бо начал смеяться. Низкий рокошущий смех постепенно сменился подобием глухого собачьего лая.

– Ну просто как в кино.

Д'Агоста ждал.

– Вы хотите услышать, что я понимаю?

– Да.

– Ну что ж, я вам скажу, что я понимаю. Когда моего малыша сбили и оставили умирать и когда обнаружилось, что за рулем сидела Грейс Озмиан, всеобщая озабоченность мгновенно поменяла объект. Вот так. – Бо громко шелкнул пальцами, и д'Агоста с трудом удержался, чтобы не вздрогнуть. – Копы, адвокаты, страховщики – их озабоченность внезапно переместилась на нее и на все деньги, влияние и власть, которыми начал козырять ее папочка. А ко мне и моей семье ноль внимания – ну, ведь он всего лишь какой-то

сранный садовник. Озмиан приговаривают к двум месяцам раздачи блинчиков, а всю информацию по судебным слушаниям закапывают так глубоко, что и не найдешь, в то время как меня приговаривают к потере семьи навечно. Значит, вы хотите знать, что я понимаю? Я понимаю, что система уголовного правосудия в этой стране прогнила. Она работает на богатых. Остальные, жалкие бедолаги, не получают ничего. Так что, если хотите меня арестовать, арестовывайте. Я с этим ничего не могу поделать.

Д'Агоста спокойно спросил:

– Вы убили Грейс Озмиан?

– Я думаю, мне нужен бесплатный адвокат, которого вы мне обещали.

Д'Агоста уставился на Бо. В данный момент он не располагал достаточными уликами, чтобы задерживать подозреваемого.

– Мистер Бо, вы можете запросить юридические услуги в любое время. – Он записал номер. – Я собираюсь проверить ваше алиби на вечер четырнадцатого декабря, а это значит, что мы поговорим с вашим нанимателем, с клиентами бара и просмотрим записи камеры наблюдения вон в том углу.

Он показал на камеру. Они уже подали запрос на записи владельцу бара, и д'Агоста знал, что записи сохранены. Он надеялся, что Бо совершит какую-нибудь глупость и попытается их уничтожить.

Бо хрипло рассмеялся:

– Конечно, можете делать любую фигню, какая вам нравится.

В два часа ночи особняк в Ист-Хэмптоне был погружен в тишину. Дом площадью восемнадцать тысяч квадратных футов располагался на участке в двенадцать акров между Фёрзер-лейн и Атлантическим океаном. На территории было устроено подобие парка, включающего в себя лужайки, поле для гольфа, искусственный пруд и беседку, по стилю напоминающую миниатюрный египетский храм. Сам дом представлял собой трехэтажное модернистское сооружение из бетона, стекла, стали и хрома и выглядел как клиника дантиста высшего класса. Большие окна из зеркального стекла невозмутимо мерцали в ночном воздухе, проливая теплый свет на гигантские лужайки вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.